

НК Клуб

Никитский

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 71

**«Искусство жить и выживать —
игра по правилам»**

Москва ■

2015

Никитский клуб

- Н62 Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте». Выпуск 71
«Искусство жить и выживать — игра по правилам».
Выпуск 71 — М., 2015. — 56 с.

Тема предновогоднего заседания Никитского клуба, представленного в данном Выпуске НК, связана, прежде всего, с выходом книги «Стратегемы 1–36. О китайском искусстве жить и выживать», под общей редакцией академика В. С. Мясникова, члена Никитского клуба с первых дней его существования. Основательный академический труд послужил поводом для отвлеченно-философского, вместе с тем актуального на фоне текущих политических событий разговора о том, существуют ли правила в «искусстве жить и выживать». «Что наша жизнь? Игра!» — известно было ещё древним. За несколько столетий до начала нашей эры игра обрела основополагающую роль в китайской культуре общения. Стратегемность мышления и поведения (эквивалентно понятию игры) относится к характерным особенностям китайской цивилизации. Разработка стратегических планов — стратегем — вошла в практику и, став своего рода искусством, обогащалась многими поколениями в Китае. «Не ищите мистики в стратегемах», — слова проф. А. Д. Воскресенского после его доклада в ответ на многочисленные вопросы участников заседания, в основном представителей разных научных дисциплин. Самое надежное на все случаи жизни, даже при знании всех теорий, — это «сам не плошай».

УДК 14
ББК 87

Круглый стол «Искусство жить и выживать — игра по правилам»

22 декабря 2014 г.

Участники обсуждения:

Бондурянский Александр Зиновьевич, проректор по учебно-методическому объединению Московской государственной консерватории

Вишневский Анатолий Григорьевич, директор Института демографии НИУ ВШЭ

Воскресенский Алексей Дмитриевич, декан факультета политологии МГИМО (У) МИД России

Голубев Александр Владимирович, руководитель отдела по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН

Кобзев Артем Игоревич, заведующий Отделом Китая Института востоковедения РАН

Мазурик Виктор Петрович, доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ им. М. В. Ломоносова)

Матвейчев Олег Анатольевич, профессор кафедры практической философии НИУ ВШЭ

Миркин Яков Моисеевич, заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН, председатель Совета директоров ИК «Еврофинансы»

Москвин-Тарханов Михаил Иванович, советник-наставник Мэра г. Москвы

Мясников Владимир Степанович, руководитель Центра сравнительного изучения цивилизаций, академик РАН

Нечипоренко Юрий Дмитриевич, писатель

Привалов Александр Николаевич, научный редактор журнала «Эксперт», вице-президент Никитского клуба

Сиднев Виктор Владимирович, член бюро Экспертного совета Агентства стратегических инициатив (АСИ), директор Троицкого нано-центра

Черниговская Татьяна Владимировна, профессор, заведующий кафедрой, заведующий лабораторией когнитивных исследований СПбГУ, член Совета по науке и образованию при Президенте РФ

Юрлова Татьяна Николаевна, первый вице-президент ОАО «Газпромбанк»

Заседание вел **А. Н. Привалов**.

А. Н. Привалов

А. Н. Привалов

Добрый вечер, господа! Позвольте объявить открытым заключительное в этом году заседание Никитского клуба. Заметим, что истекающий год в полной мере отразил и исполнил все наши надежды на него и опасения. Год назад, как помните, на нашем предновогоднем заседании под названием «Канун 14-го» было высказано достаточно много тревожных ожиданий. Ну, грех жаловаться: что просили! Причём, надо отдать должное истекающему году, и по сумме опасений, которыми мы его встречали, и по сумме годовщин, которые на него выпали: 100-летие Первой мировой войны, 75-летие Второй мировой войны, 25-летие краха Ялтинского мира; для нас с вами специально — 20-летие первой чеченской.

В общем, по всей этой сумме уходящий год имел полное право оказаться ещё гораздо хуже, чем оказался. На мой взгляд, одно из не очень многочисленных утешений, которые сегодня можно предложить человеку, читающему газеты или смотрящему телевизор, заключается в том, что совершенно очевидно пробудился монстр истории, зашевелился. Стало интересно: блажен же, «кто посетил сей мир в его минуты роковые», — радоваться же надо.

И радоваться, в частности, надо потому, что, по идее,— никто не может ничего гарантировать, но, по идее, такой разворот сугубо исторических событий должен побуждать деятелей этой эпохи постепенно, по мере сил, по мере возможностей, сдвигаться от соображений сиюминутных, текучих, тактических, если не шкурных,— к соображениям историческим и стратегическим. И в этом смысле тема нашего сегодняшнего заседания чрезвычайно уместна.

Мы сегодня собрались, чтобы обсудить «Искусство жить и выживать — игра по правилам», базируясь на книге «Стратегемы 1–36. О китайском искусстве жить и выживать», вышедшей под общей редакцией присутствующего здесь академика Владимира Степановича Мясникова. И эта книга даст нам возможность поговорить о том, о чём нам поговорить хочется.

Со своей стороны, должен признаться, что я с этой книгой знаком (сначала заочно) довольно давно. Ещё лет пятнадцать назад один весьма известный медиаменеджер, с которым я имел удовольствие работать, ссылаясь на эту книгу в предыдущем каком-то издании, говорил, что действует по стратегеме «Заманить на крышу и убрать лестницу» [Стратегема № 28]. Потом, раздобыв эту книгу, я понял, что он не врёт, такая стратегема действительно есть.

И у меня довольно чёткое ощущение, что именно ею, ну, может быть, не ею одной, но со всей очевидностью ею руководствуется сегодня наша страна в происходящих событиях. Стратегема, на самом деле, относится, насколько я понимаю, к числу крайне рискованных, но при правильном применении довольно эффективна. В чём её смысл, понятно из названия. Смысл в том, чтобы, ссылаясь на известную притчу о лягушке в котле с медленно нагреваемой водой, разбудить эту самую лягушку. Если в котле нагревать воду медленно, лягушка ведь так и не выпрыгнет, она сварится. Потому что всё время же будет чуть-чуть теплее, чем было секунду назад, — она и не будет встревожена. Стратегема типа «Загнать на крышу и убрать лестницу» ставит лягушку в такое положение, что или прыгай, или подыхай.

С точки зрения более глубокой, стратегема тоже разумна, и нам бы хорошо в этом смысле мотать её на ус. Она заключается в том, что, применяя её, стратег ставит своё войско в положение, которое рекомендуют все серьёзные мастера боевых искусств: перед началом боя ты должен мысленно умереть. Собственно, всё, ты на крыше, тебе деваться некуда, ты отсюда можешь только сверзиться и разбиться. Значит, либо ты делаешь что-то из ряда вон выходящее, либо тебе конец.

Я с удовольствием и интересом узнал из этой книги, что длинный и страшный опыт человечества при некоторых видах обработки, по-видимому, более доступных китайским нашим друзьям, чем нам, позволяет из морей пролитой крови выделять какие-то кристаллы опыта, которыми впоследствии могут каким-то образом руководствоваться следующие поколения.

Почти каждая фраза в этой огромной и, на мой взгляд, очень интересной книге, в общем, банальна. Но эта банальность не *до* сложности, а *после* сложности. Это

банальность, в которой миллионы, десятки миллионов жертв, неисчислимы страдания каким-то образом слиты, скреплены и становятся доступны для обозрения.

Я не знаю, о чём будет говорить наш докладчик, Алексей Дмитриевич Воскресенский. Я специально даже и не спрашивал. Может быть, он будет говорить о чём-то совершенно противоположном тому, что сейчас говорю я. Но, в конце концов, стратагема допускают и это. Достаточно сказать, что коротко обрисованная мной стратагема № 28 — «Загнать на крышу и убрать лестницу», она же стратагема избавления от соратников, она же стратагема срыва выхода из дела. Одно и то же вроде бы сочетание хитростей может иметь принципиально разное значение.

Ну, а теперь слово Алексею Дмитриевичу. Тема выступления: *«Стратагемный воображариум Китая и суровая практика дипломатических поединков»*. Прошу Вас!

А. Д. Воскресенский

Вообще, у меня сложная задача, потому что в программе записано «доклад», но доклад на такую тему перед Новым годом... Я все-таки считаю, что, наверное, должен, скорее, развлечь публику.

А. Н. Привалов

Ну, вступительный доклад — это же не совсем доклад.

А. Д. Воскресенский

Понятно, понятно. Значит, развлечь публику вступительным докладом. Не знаю, в какой степени собравшиеся здесь люди знакомы с тем, что мы собираемся обсуждать, поэтому я выскажу свои общие представления об этой теме и чуть-чуть расскажу, как можно к этой теме подойти более серьёзно, профессионально, поскольку есть разные взгляды на стратагема вообще, и китайские стратагема в частности.

К этой теме можно подойти чисто научно, а можно более или менее научно, но скорее всё же с практической точки зрения — для чего нам сегодня это нужно и как к стратагемам относиться. Именно поэтому название для своего вступительного доклада я придумал завлекательное и броское, но очень хорошо отражающее эти две упомянутые грани сегодняшней темы, которые я и собираюсь затронуть.

Какой бы пример придумать, чтобы образно показать, что же это такое — стратагема? Есть такие игры, они называются на научном языке «детерминированные игры с неполной информацией». Существуют разные типы таких игр. Скажем, шахматы. Эту игру, конечно же, все знают. Есть и другая игра — китайская, которая известна у нас под японским названием. По-китайски игра называется

А. Д. Воскресенский

«вэйци»¹ — «облавные шашки», её более позднее японское название — «го». За последние двадцать пять — тридцать лет эта игра приобрела большую популярность в России.

Если адаптировать стратагемы к нашей жизни, то сравнение шахмат и облавных китайских шашек (вэйци) — это и есть как раз самое точное сравнение применимости стратагем, использования стратагем в дипломатии, да и не только в дипломатии, но и в жизни вообще. Скажем, если мы играем в шахматы, то хороший игрок, очень высокого класса, может предвидеть в начальной ситуации игры примерно 20 следующих ходов — своих и своего соперника (10 своих и 10 соперника). Игра го (она же вэйци) позволяет предвидеть и просчитать 55 ходов. После четвёртого полухода в шахматах возникает 100 тысяч позиций. После четвёртого полухода в го возникает 16 миллиардов позиций.

Как мы знаем, чемпиона мира по шахматам компьютер всё же смог обыграть.

¹ Здесь и далее написание китайских терминов и выражений в кириллице соответствует предпочтениям авторов.

С современными компьютерами не сможет справиться не только гроссмейстер, но и чемпион мира. С чемпионом мира по игре в го компьютер не играл. Но один из корейских игроков в го, даже не самый сильный,— игра состоялась в 2008 году,— предоставил компьютеру семь камней форы (если бы человек играл с человеком, то предоставивший фору поставил себя под очень серьёзный удар), тем не менее компьютер сдался на 263-м ходу. Причём производительность этого компьютера составляла 15 терафлопс², то есть в тысячи раз мощнее компьютера Deep Blue³, который обыграл Г. Каспарова.

У го, или вэйци, конечно, есть правила, точно так же как и в жизни есть правила. Эти правила, с одной стороны, достаточно формальны, но их и очень немного — значительно меньше, чем правил в шахматах. Но, с другой стороны, они позволяют играть в эту игру до бесконечности, то есть фактически как бы жить в игре. Даже в чемпионатах по го время игры ограничено, потому что, в принципе, партия может длиться долго, очень долго, это зависит только от мастерства и терпения соперников.

Этот пример очень хорошо показывает, какая связь между стратегиями и нашей реальной жизнью. В шахматах, в отличие от го, известно, сколько «стоит» потеря одной конкретной фигуры, «исчисленной» в других фигурах. В шахматах можно предсказывать ходы, а с появлением компьютера можно просчитать если уж не всю игру, то по крайней мере дебютные варианты или эндшпиль до такой степени, что применение компьютера фактически низводит до нуля человеческое мастерство в игре, интуицию, опыт. В го это сделать практически невозможно, хотя компьютеры, конечно, также используются для моделирования конкретных игровых ситуаций.

Шахматы — очень древняя игра и го — очень древняя игра. Соображения о том, как существовать в этой жизни, как в ней не проиграть, а выиграть, закладывались правилами игр наших пра-пра-пра-пра-прапредков, и игра го как раз и является максимальным стратегическим приближением к реальной жизни, то есть она является своеобразной моделью жизни, моделированием жизни.

Аналоги стратегиям, по крайней мере в достаточно высокоинтегрированной форме, хотя собственно слово «стратегемы» и не упоминалось, встречаются уже в древнекитайской философской литературе. В И-цзине, знаменитом древнекитайском каноне — его иногда называют гадательным каноном, иногда философским — не употребляется понятие стратегемы, используемое в средневековом или современном китайском языке и соответствующих этим периодам памятниках литературы или

²Терафлопс — величина, используемая для измерения производительности компьютеров, показывающая, сколько операций с плавающей запятой в секунду выполняет данная вычислительная система. 1 терафлопс = 1 триллион операций в секунду = 1000 миллиардов операций в секунду.

³Deep Blue — шахматный суперкомпьютер, разработанный компанией IBM, который 11 мая 1997 г. выиграл матч из 6 партий у чемпиона мира по шахматам Гарри Каспарова.

научных трактатах. Но в этом каноне уже встречается один из иероглифов, который в китайском языке и сегодня обозначает уловку, хитрость, которая может быть применена в военных действиях, в какой-либо сложной жизненной ситуации, в личной жизни — для того чтобы выйти из, казалось бы, безвыходного положения, и выйти из этого сложного положения не только без потерь, но и с выигрышем.

Использование, применение уловок, специальных хитростей, особых приёмов, чтобы ввести в заблуждение противника, зафиксировано в литературе древнего мира и в китайской литературе, в частности, очень и очень давно. Если говорить о Китае, то это примерно V век до нашей эры, а может быть, и раньше.

Но не только Китай обладал понятием стратагема. Собственно, термин «стратагема», который мы употребляем сегодня, — это термин, пришедший к нам из древнегреческого языка. Известный древнегреческий трактат о стратагемах, то есть уловках, — кстати, переведённый (правда, не полностью, но в значительной степени) на русский язык, — трактат Фронтинуса, 103 год до нашей эры, так и называется: «Стратагемата». Этот трактат подробно описывает серию военных приёмов и хитростей, предназначенных для того, чтобы ввести в заблуждение противника, или помогающих заставить врага врасплох.

Если применить расширительное толкование, то под стратагемой в древности, будь то Китай или Греция, понималась любая хитрость или интрига для того, чтобы достигнуть какого-либо преимущества над противником. В принципе, существует и более широкое толкование стратагема — хитроумие, изобретательность в достижении своей цели, в поисках благоприятного выхода из ситуации, в которую попал человек либо группа людей.

Как правило, если говорить о древности, все такого рода хитрости были связаны с военными действиями. И понятно почему — потому что во всех такого рода правилах и схемах, конечно, прежде всего что интересовало людей, — это возможность уцелеть в столкновении, выжить, в частности, в борьбе за жизнь, с использованием оружия, фортификационных сооружений, ловушек и т.д.

Ну, вот такова предыстория понятия стратагема. Сам китайский трактат, который получил название «Тридцать шесть стратагем», был найден примерно в 30-х годах XX века. История его появления довольно туманна, хотя, конечно же, отсылки идут к существовавшему в конце династии Мин — начале правления династии Цин, то есть примерно в период 1640–1644 годов, секретному трактату о стратагемах, который якобы передавался из поколения в поколение.

В этот период пала последняя китайская императорская династия, а на смену ей пришла династия, которую возглавили маньчжуры, кочевое племя, победившее китайцев с помощью самих же китайцев. Кстати, у китайцев издревле существовала дипломатическая стратагема «руками варваров управлять варварами», которая, тем не менее, не помогла китайцам в борьбе с маньчжурами. В этот сложный период китайской истории, когда Китай более чем на 300 лет попал под

владычество Степи, как считается, и был изустно кодифицирован трактат, получивший потом название «Тридцать шесть стратагем». Трактат, который чудесным образом объявился в 30-х годах XX века, когда Китай снова переживал период раздроблённости и «собираения земель», но уже в республиканский период своего существования.

Название «Тридцать шесть стратагем» можно перевести условно — если опираться на изначальный смысл, который был зафиксирован в И-цзине, — как все хитрости или все стратагемы. То есть 36 стратагем — это не обязательно именно 36 стратагем, хотя в данном конкретном трактате описаны именно 36 стратагем. Это сборник всех хитростей, сборник всех стратагем. Действительно, некоторые современные аналоги этого трактата описывают до 200 существовавших стратагем.

Сам первоначальный трактат очень лапидарен. Дело в том, что стратагемы по форме похожи на китайские «чэньюй» — пословицы или поговорки с глубоким или даже скрытым смыслом, которые состоят, как правило, именно из четырёх иероглифов, то есть из двух биномов китайского языка, если пользоваться лингвистическим термином профессора И.М. Ошанина. Так и в трактате о стратагемах — каждая стратагема состоит из четырёх иероглифов (всего 36 стратагем, за исключением стратагем проигранных сражений, которые состоят из 3 иероглифов, то есть всего 138 иероглифов).

Естественно, что каждая стратагема соответствующим образом комментируется, прежде всего с опорой на реальные исторические события. И точно так же, как «чэньюй», китайская закодированная пословица, стратагема представляет собой какое-либо идиоматическое выражение, крайне скупое по своему лингвистическому выражению, но очень ёмкое по смыслу.

Некоторые из стратагем известны именно потому, что попали в словари китайских пословиц и поговорок — словари «чэньюй». То есть либо стратагемы вошли в словари пословиц и поговорок, либо, наоборот, пословицы и поговорки, связанные с какими-то жизненными или вполне конкретными историческими ситуациями, вошли в трактат «Тридцать шесть стратагем». Как это произошло, точно сказать никто не может, но обнаружить некоторые из них можно в равной степени в словарях чэньюев или в трактате «Тридцать шесть стратагем».

Точно так же как пословица или поговорка, стратагема — это какое-то сделанное в яркой форме, типизированное изложение проблемной ситуации. Как правило, всё-таки именно в яркой, броской форме, то есть посредством яркого образа дающее ключ к разрешению какой-либо типизированной ситуации. Стратагему можно обозначить и короче, вполне современным языком: это алгоритм или язык технического описания динамики типизированной ситуации. Математический термин «алгоритм» и есть, собственно, то, что мы понимаем под словом «стратагема».

Если мы обратимся к китайской истории и китайской литературе, то увидим (это уже более поздний период, конечно, по сравнению с И-цзином), что китайские классические романы, которые создавались на основе трансформированной

истории, — к примеру, роман «Троецарствие», — наполнены описанием разного рода хитроумных уловок и приёмов, применявшихся китайскими полководцами в борьбе за гегемонию в Китае. Или же роман «Речные заводы», где описываются такого же рода приёмы и уловки, но уже не государственных полководцев, а повстанцев, которые противостоят императорской власти. «Сон в красном тереме» — «Хун лоу мэнь» — китайский средневековый бытописательный роман, в нём встречаются описания такого рода приёмов, уловок, практик, но уже в личной жизни, в быту. Знаменитый китайский роман «Цзинь пин мэнь» («Цветы сливы в золотой вазе») — эротический роман, инкорпорировавший такого же рода приёмы, уловки, хитрости, но в скрытой — личной, интимной — жизни человека.

Я скажу ещё буквально два слова о типологии стратагем. Важно подчеркнуть, что в какой бы области человеческой жизни мы ни говорили о стратагемах — в личной жизни, в бытовых взаимоотношениях, в неформальной обстановке, в военных действиях, — всё-таки везде, судя по произведениям литературы или историческим трактатам, стратагема — это альтернатива силовым, военным действиям.

Я хотел бы процитировать два высказывания китайских философов, в работах которых, как считается, просматриваются первоосновы стратагем. Первый философ всем известен — это Конфуций. Мы сегодня знаем его высказывание в изложении, то есть нельзя сказать с полной уверенностью, что это говорил именно сам Конфуций. Точно так же как и все остальные высказывания Конфуция дошли до нас только в изложении.

Конфуций сказал: *«Трудность не в том, чтобы победить, а в том, чтобы победу удержать. Умный правитель удерживает победу, и потому его счастье переходит к последующим поколениям».*

У другого китайского философа, который жил чуть позже, чем Конфуций, есть высказывания, связанные с дискуссией о природе человека в Древнем Китае, в которой принимал участие и Конфуций. Здесь я сделаю ремарку: на одном из предыдущих заседаний Никитского клуба мы обсуждали проблему агрессивности [«Психология агрессии и этика противостояния насилию». 16.10.2014 г.]. У китайского философа Мо-цзы есть такое высказывание: *«Пытаться с помощью войны решать споры между государствами, пытаться добиться мощи и славы — это всё равно что заставить всех людей в Поднебесной пить одно лекарство для лечения разных болезней, польза от этого, может быть, будет лишь четырём или пяти человекам».*

Мо-цзы, в принципе, допускал ведение военных действий, но он допускал ведение именно справедливой войны в ответ на агрессию. Тем не менее даже описание войны у Мо-цзы сделано очень красноречиво: *«Многочисленная армия уходит в поход и не возвращается обратно — тысячи семей остаются без опоры, жены становятся вдовами, а дети сиротами. Полностью растрачиваются все богатства народа. Служилые не занимаются государственными делами, земледельцы не засевают поля, женщины не ткут полотно, государство теряет своих слуг,*

простолюдины забрасывают свои дела». И поскольку война приносит только горе, в дело должны вступить дипломаты со своими стратагемами, чтобы предотвратить войну. Их тяжёлые будни — схватки без применения оружия. Дипломаты не воюют, стратагема — их ответ на прямые и жёсткие действия. Это приёмы, уловки, планы, которые позволяют типизировать ситуацию таким образом, чтобы суметь извлечь из неё максимальную выгоду, чтобы устоять, не потерпеть поражения.

Как правило, все китайские политики и полководцы в своих работах упоминают те или иные стратагемы. Стратагемы позволяют отработать варианты схваток и сражений, часто даже не прибегая к самим схваткам и сражениям. Стратагемная дипломатия — это как бы аналог современного компьютерного симулятора боевых действий. Она позволяет отбросить варианты, которые приведут к потере сил, вообще к любым потерям, поражению. Вот поэтому стратагемы и можно применять в реальной жизни даже сегодня.

Конечно, прекрасно, что такая область деятельности существует, но всё-таки, насколько можно полагаться на стратагемы? Я бы сформулировал ответ на этот вопрос таким образом: «Тридцать шесть стратагем» — это трактат о том, как можно привить политической и военной элите, вообще слою, который управляет государством, другими людьми, — привить навыки управления, прогнозирования, предусмотрительности. Как привить навыки, которые позволяют сначала подумать, разложить ситуацию на составляющие, просчитать последствия, а потом уже принимать решение, которое может быть судьбоносным, но привести совершенно не к тем результатам, которые ожидались изначально.

Именно поэтому «Тридцать шесть стратагем» — очень интересный и нужный трактат. Китайцы, начиная со своих древних философов, то есть с VII–VIII веков до нашей эры, а уж тем более к XVII веку нашей эры, сумели в высокой степени кодифицировать знания такого рода, что позволяло их передавать из поколения в поколение и учить людей с помощью такого рода книг. Нам сегодня эти знания тоже интересны, но прежде всего как часть истории, как образное восприятие жизни древних, которая, в общем-то, была очень похожа на нашу. Потому что люди, хотя и проживают жизнь в разных поколениях по-разному, но всё-таки они, люди, очень похожи, они остаются людьми, используют все те же приёмы, те же хитрости и те же уловки. И, наверно, этому можно поучиться, в частности, и у китайцев.

Трактат «Тридцать шесть стратагем» очень хорошо переведён, к тексту сделан отличный содержательный и исторический комментарий швейцарского профессора Х. фон Зенгера. Переводу трактата и комментариям предпослано великолепное введение академика Владимира Степановича Мясникова. Мне даже неудобно как-то это говорить, потому что Владимир Степанович — автор и редактор, и если он взялся за подготовку к изданию на русском языке этого трактата, то ничего другого, кроме великолепной и нужной книги, не могло и быть. Эта книга действительно исторический и философский бестселлер о том, как не проигрывать сражения, а побеждать, ну, по крайней мере, с точки зрения китайского исторического опыта.

А. Н. Привалов

Если можно, на правах ведущего — сразу простой вопрос, я думаю, что он у многих собравшихся уже возникал в голове. В какой степени традиционность этих текстов повлияла на практическую политику китайских руководителей, например, последнего столетия — Чан Кайши, Сунь Ятсен, председатель Мао, Дэн Сяопин? В какой степени в их практике можно было проследить или нельзя было проследить влияние этого трактата?

А. Д. Воскресенский

А в какой степени, скажем, трактат Макиавелли можно проследить в действиях современных европейских политиков?

А. Н. Привалов

При желании — в огромной.

А. Д. Воскресенский

Такой же ответ можно дать и о стратагемах. У Мао Цзэдуна можно встретить дословные цитаты из этого трактата. Вообще, сам трактат появился в 1930-х годах в среде военных, группировавшихся вокруг партии Гоминьдан. Он вдруг чудесным образом появился именно в то время, когда началась агрессия Японии, гражданская война и возникло противостояние коммунистов и гоминьдановцев, которое привело к расколу Китая и появлению наряду с Китайской Республикой, образовавшейся после падения династии Цин на рубеже 1911 и 1912 годов, нового государства — Китайской Народной Республики.

Так что вот и ответ на Ваш вопрос: влияние традиционных текстов прослеживается прямым образом, самым прямым.

А. Н. Привалов

Спасибо. Давайте сделаем так: сейчас зададим вопросы, а потом, по мере их иссякания, приступим к выступлениям.

О. А. Матвейчев, профессор кафедры практической философии НИУ ВШЭ

А можно дать ответ на вопрос, который Вы задали? У меня он случайно есть.

Товарищ написал диссертацию о Мао Цзэдуне и о влиянии на него традиционных текстов. Он сделал очень такую тупую работу — посчитал, сколько цитат у Мао Цзэдуна из этого трактата, а также из Конфуция, и сколько цитат из Маркса, Ленина и других марксистов. Так вот по некоторым позициям (сейчас цифры точно не помню) цитаты из китайских стратагем, из Конфуция и т.д. превышали от 1,5 раза до 3 раз количество цитат Ленина, марксистов и всех остальных. Мао Цзэдун гораздо больше укоренён в своей китайской традиции, нежели это принято считать.

Я. М. Миркин

А. Н. Привалов

Спасибо. Это примерно как если бы наши марксисты чаще цитировали «Домострой», чем Маркса. Прошу — Яков Моисеевич Миркин.

Я. М. Миркин, *заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН*

Очень важный вопрос, я его уточню. Может быть, Вы так же ответите, как ответили. Политика Китая сегодня достаточно успешна. Вот применительно к сегодняшней политике Китая можно ли увидеть какие-то стратагемы, назвать стратагемы, которым она подчинена? Или же ответ на этот вопрос будет таким же общим?

А. Д. Воскресенский

Нет, это был не общий ответ, это был ответ «каков вопрос — такой ответ». И, извините, на Ваш вопрос я дам тоже ответ такой же, как вопрос.

Я читаю лекции, и у меня две такие лекции, которые заставляют меня и аудиторию рефлексировать. Одна лекция касается стратагем, а вторая — построения теорий. Как правило, на обе лекции собирается много людей, и я часто вижу по лицам, что некоторые из них к концу лекции немножечко разочарованы. Почему? Да потому,

что жизнь богаче любой теории и богаче любой стратагемы. И от того, цитировал Мао Цзэдун конкретную стратагему или не цитировал, а кто-то использовал теории или не использовал,— что от этого меняется?

У любого гениального, талантливого политика, военачальника и т.д. обязательно есть какая-то стратегия, и, как правило, он учится чему-то. Если вы возьмёте «Атлас Генерального штаба Красной Армии» — это такая книга на 1000 страниц, изданная в Москве в 1930-е годы,— то увидите там карты всех сражений, начиная с древнекитайских и древнегреческих, которые были своеобразными пособиями для будущих военачальников Красной Армии. Для того чтобы они пользовались историческим опытом и извлекали из этого умение воевать, но в других условиях.

Поэтому ответ таков: читают. И у нас тоже что-то читают. Хочу пояснить ещё раз свою позицию: не ищите мистики в стратагемах. Мне кажется, что разочарование происходит оттого — вывод, какой я сделал для себя во время чтения лекций на эту тему,— что не оправдывается ожидание: вот сейчас нам расскажут всю правду раз и навсегда всего-то за одну лекцию, которая всё объяснит про жизнь.

А стратагем — целых 36, под каждую из них можно подвести какую-то ситуацию, под какие-то нельзя подвести возникшую ситуацию. Теорий ещё больше, чем стратагем, они что-то описывают, что-то не описывают. По стратагемам, теориям и т.д. можно и нужно учиться. Их нужно изучать, но успех определяется не наличием вообще теорий или стратагем, а практическим успехом их применения в конкретной практике, на основе конкретных, обдуманных действий, опыта, учтённых факторов и просчитанных последствий.

Я. М. Миркин

Ну, это ответ такой, как если бы шла речь о том, используют ли конкретный человек или группа людей стратагемы просто как кубики для объяснения своего собственного поведения. У меня вопрос был немного о другом. Давайте от обратного — когда что-то встроено в сознание, доминирует в сознании, как бы является основой мышления.

А. Д. Воскресенский

Я понимаю, что Вы хотели спросить. Вторая сторона этого процесса — основа мышления, знание. Не может управлять незнающий. А вот что он знает? Если говорить о древних китайских философах, военачальниках, управленцах, то они не читали «Тридцать шесть стратагем», потому что это более поздний трактат. Но если возьмёте и почитаете Конфуция, Мо-цзы, Ле-цзы и т.д., то увидите рассуждения, которые вполне можно экстраполировать и на ситуации сегодняшнего дня.

Я не знаю, может быть, я опять Вас разочаровал своим ответом. Во всяком случае, я придерживаюсь такой точки зрения.

Приведу ещё один пример. Моё поколение в детстве смотрело фильм раннего Куросавы «Гений дзюдо». И помните, там герой — гений дзюдо, талантливый

М. И. Москвин-Тарханов

молодой боец, смог достать свиток с приёмами борьбы. Помогает это ему? Этот свиток с приёмами помогает ему победить? Да, помогает. Победил бы он, если бы у него не было этого свитка? Может быть, и победил. Потому что мы понимаем, что он тренированный, талантливый и т. д., и т. д. То же самое и с интеллектом. Если ум не тренировать, и нет желания его тренировать, если нет понимания, как это делается, то вы всё равно не победите, никогда не победите. А если случайно и победите, то не сможете закрепить свою победу.

М. И. Москвин-Тарханов, *советник-наставник Мэра г. Москвы*

Можно?

А. Н. Привалов

Прошу, Михаил Иванович.

М. И. Москвин-Тарханов

У меня такой вопрос. Вот когда мы читаем — возьмём военную специализацию — «Науку побеждать» А. В. Суворова, там «быстрые огни открывают победы» и т. д., мы

знаем, сколько раз он побеждал. Когда мы читаем Вобана⁴, Тюренна⁵, записки Конде или Наполеона, мы как бы знаем, что они побеждали.

Китайцы всё всегда проигрывали. Набитые стратагемами, идеями Конфуция и всего прочего, это армия постоянных неудачников со времён Чингисхана. Поэтому — удивительное дело, а помогают ли они? Может, они мешают?

А. Д. Воскресенский

Ну, опять же удовлетворит ли Вас мой ответ? Любой стереотип — а стратагема и есть стереотип, — стереотипизированная ситуация может и помогать и мешать. Любой план, любая техника могут помогать и мешать. Потому что жизнь богаче любого стереотипа, любого плана. Сказать, что китайцы никогда не побеждали, это слишком, Вы знаете, кто в конечном счёте победил войска империи Чингисхана. Правда, после его смерти и после того, как монголы захватили весь Китай и основали в Китае монгольскую династию Юань. И точно так же потом маньчжуры — да, побеждали китайцев и те и другие, они захватывали Китай, но потом были инкорпорированы в китайскую культуру. Маньчжуры так и не смогли создать и сохранить своё государство, Монголия сегодня по территории несравнима с империей Чингизидов. Что понимать под победой? Можно победить на поле боя в конкретном сражении либо создать такую ситуацию, когда через 100 лет вы ассимилируетесь с китайцами? Ответ неоднозначен.

А. И. Кобзев, *заведующий Отделом Китая Института востоковедения РАН*
Можно вопрос?

А. Н. Привалов
Да, пожалуйста.

А. И. Кобзев

Алексей Дмитриевич, сколько, Вы сказали, иероглифов всего в названиях стратагем? Какое-то Вы назвали число, можно его повторить?

А. Д. Воскресенский
Сто тридцать восемь.

А. И. Кобзев

То есть какие-то названы четырьмя, а какие-то — тремя иероглифами. Потому что 36 умножить на 4 — это 144. Вопрос: есть ли какое-то объяснение этой

⁴ Себастьян Ле Претр, маркиз де Вобаан (фр. Sébastien Le Prestre, marquis de Vauban; 1633–1707) — французский военный инженер, маршал Франции, писатель.

⁵ Тюренн Анри (Анри де Ла Тур д'Овернь, виконт де Тюренн; de La Tour d'Auvergne, de Turenne,) (1611–1675), французский полководец, маршал-генерал Франции (1660).

дифференциации количества иероглифов в названиях? Поскольку этот текст явно рассчитан лучше, чем «Евгений Онегин» Пушкина, тут должен быть особый смысл. И второе: есть ли какая-то закономерность взаимосвязи с гексаграммами «И-цзина» — какие именно выбраны, по какому признаку?

А. Д. Воскресенский

Артём Игоревич, Вы знаменитый специалист по И-цзину и гексаграммам. Я такой глубокий и специальный пласт в своём выступлении не затрагивал. Я могу только сказать, что инь-ян-инь: шестью шесть — тридцать шесть, отсюда именно все хитрости, все стратагемы, а не просто 36 стратагем. Этим, наверно, нужно заниматься дальше, на следующем уровне.

В. П. Мазурик, доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ им. Ломоносова)

У меня вопрос такой: скажите, пожалуйста, что преобладает в итоговом тексте «Тридцать шесть стратагем»? Была ли в Китае попытка анализировать, чего там больше — конфуцианского влияния или даосского? Это, так сказать, некая система, которая рассматривается как просто знаковая система, или там есть действительно практическое овладение чем-то, что можно актуализировать, реализовать, придавать этому большое значение в жизни?

А. Д. Воскресенский

Там и то, и то. Потому что и в даосской традиции есть достаточно инструментальные вещи, особенно по истечении времени, то есть если сравнить древних даосов и, скажем, современных. Мне кажется, что это и не конфуцианская и не даосская традиция. Это особая система, прежде всего ориентированная на противостояние военным действиям. В значительной степени, конечно, стратагемы и стратагемная дипломатия связаны с ведением военных действий.

Сунь-цзы — это конфуцианская традиция или даосская? Сунь-цзы — это Сунь-цзы. Думаю, стратагемы — то же самое. Это чуть-чуть другое, это все-таки область, где меряются силами. Конечно же, и интеллектом, но интеллектом как противопоставлению силе. А конфуцианство и даосизм — это про другое, это про мироустройство. «Тридцать шесть стратагем» — всё-таки это более практикоориентированный трактат.

Т. Н. Юрлова, первый вице-президент Газпромбанка

Я сейчас наблюдаю такой диспут чистых специалистов-востоковедов, ну, по крайней мере, вопросы специалистов-востоковедов, в которых я, например, совершенно некомпетентна.

Я хотела бы задать вопрос более приземлённый, что ли. В названии Вашего доклада есть слова «...суровая практика дипломатических поединков». Если мы

Т. Н. Юрлова

посмотрим на сегодняшний обмен мнениями, переговоры, реплики современных дипломатов и политиков, то, извините за грубое слово, несут такое, что какие там стратагемы! Мне хотелось бы вот что спросить. Как Вы считаете, современная «суровая практика дипломатических поединков» совершенно уже уходит от традиционных способов переговоров, от традиционной дипломатии, от учёта существующих древних методов, в том числе стратагем? И если уходит, то безвозвратно или нет?

А. Д. Воскресенский

Вы знаете, я всю жизнь занимаюсь Китаем, да ещё я, если можно так сказать, потомственный китаевед. Но чем старше я становлюсь, тем больше мне кажется, что я малокомпетентен: так сказать, чем больше я знаю, тем меньше я понимаю. Поэтому нет, как говорится, глупых вопросов, ответы могут быть неудовлетворительны.

Всегда существует определённая историческая традиция, она есть в каждой стране. И почти во всех странах, обладающих какой-то глубокой и сложной историей, есть что-то наподобие стратагемной дипломатии, только формы этого явления могут

быть разные. Другое дело, что китайцы сумели формализовать стратегию дипломатию в гораздо большей степени, чем другие народы, и сумели сделать это раньше. Но ведь это наблюдается не только в области стратегии, но и в области философии, и в области науки управления. Вот знаменитый трактат Ли Гоу периода сунского Китая [«План обогащения государства, усиления армии, успокоения народа»]. Он в этом смысле даст фору любому Макиавелли по уровню осмысления всего того, что связано с управлением государством. Я не пытаюсь принизить одну традицию по сравнению с другой.

У разных народов это по-разному развивалось. Ведь русская и европейская дипломатия, к примеру, конца XVIII или XIX веков (Муравьев, Гирс, Жomini-младший, Бюцов, Кассини и др.) отлично противостояла китайской дипломатии и многое смогла отыграть из того, что в прошлом по разным причинам вынуждены были уступить. Или возьмём действия британской дипломатии в Китае в конце XIX века.

Но ведь и в современной традиции, в современном обществе, скажем, есть наука о ведении переговоров, и она точно так же сегодня формализована. Если говорить о современной науке ведения переговоров — это очень структурированное знание, со своими приёмами, методами и т.д. Иногда, когда я читаю такого рода высокопрофессиональные современные книги о дипломатии, мне кажется, что это очень сильно, только в другой форме, напоминает китайские стратегии.

В какой степени это ушло? Вот я и попытался Вам ответить.

Скажем, каратэ, дзюдо или ушу — все единоборства укоренены в прошлом. Но вот вы выходите на ринг, на ковёр, на татами — и вы что, читаете приёмы по книге? Вы уже не читаете книгу, потому что, если вы будете читать на татами книгу, в этот момент вам вломит так, что всё, дальше уже ничего не нужно будет читать. Но на основе вашего мастерства, физической силы, опыта и знания, которое пришло через школу, через тренировки, плюс книжные знания (потому что это формализуется в виде учебников борьбы, например) вы становитесь мастером, выходите на ринг, на ковёр и побеждаете.

Кто побеждает? Мы точно понимаем, что не самый физически сильный. Значит, и в знании, даже в тех сферах, которые связаны с мускульной силой, с физической силой, есть смысл. Но мы точно понимаем, что столетний старик с бровями, волочащимися по земле, как показывают в некоторых китайских или гонконгских фильмах, вряд ли сможет биться наравне с молодыми. Ну, а укротить физическую силу молодых всегда можно какой-либо уловкой или специальным приёмом. Это, кстати, мастерски показано в фильмах Тарантино, который пародирует эту часть китайской традиции.

Да, китайцы читают «Тридцать шесть стратегий», книга издавалась в Китае несколько раз колоссальными тиражами. В 1938 году было два тиража, каждый по миллиону экземпляров. И современные китайские военные читают и изучают древние трактаты, в современном Китае есть общество изучения трактатов Сунь-цзы, оно, собственно, и создано отставными китайскими военными. Так же как в Европе и Америке изучают историю Пелопонесских войн, основу стратегии и тактики

Т. В. Черниговская

древних греков, — точно так же китайцы читают «Тридцать шесть стратагем», Сунь-цзы, Ли Гоу, другие древние военные трактаты, изучая военную мысль, национальную науку управления.

Если человек образованный и высококвалифицированный, это часть его подготовки, безусловно. Но успешным и эффективным политиком, стратегом, управленцем в сегодняшнем высококонкурентном мире не может быть необразованный, малоквалифицированный, плохо подготовленный, ленивый, интеллектуально неразвитый человек. Так что дело не в том, читают или не читают, дело в том, как читают, и дело в системе отбора.

А. Н. Привалов

Прошу, Татьяна Владимировна!

Т. В. Черниговская, профессор, заведующий кафедрой, заведующий лабораторией когнитивных исследований СПбГУ

Вопрос профана, и вопрос вот какой. Эта культура включает в себя что-то, что не основано на счёте, так сказать, на счёте ходов? Ну, условно говоря, то, что называется

«макиавеллевский интеллект» — неважно, восточная это или западная традиция? Ну, в общем, выигрывает тот, у кого больше память, кто глубже просчитывает ход? Я имею в виду, возможен ли вообще другой ход — импульсивный, интуитивный? Или это то, что на самом деле есть расчёт, но рядится как бы в платье импульса, и интуитивно — «а вот гори оно огнём, сделаем так!». Такой ход возможен?

А. Д. Воскресенский

Тридцать шестая стратагема, которую очень любил Мао Цзэдун, — «если сражение безнадежно, не стоит ввязываться, нужно бежать».

Есть такое понятие в восточных единоборствах — техника сердца, когда техника преобразуется в интуицию, которая позволяет выиграть сражение. Есть и так называемый «пьяный» стиль в ушу, нарочито ориентированный на непредсказуемые приёмы человека, рациональное «я» которого как бы приглушено алкоголем.

Я пытался всё время сказать, что не надо сакрализировать «Тридцать шесть стратагем» как конечное знание. Потому что конечного знания в практике нет, и никогда не существовало. Есть реальная жизнь и, соответственно, есть трактат, материал, система приёмов, система знаний, система подготовки, которые помогают выиграть, но не гарантируют этот выигрыш во всех случаях, раз и навсегда. В реальной жизни, мы понимаем, ничего не гарантировано, потому что существует случайность, а мир развивается так быстро, что сегодняшняя победа может обернуться завтра поражением.

Единственное, пожалуй, что я бы сказал: я не могу ответить на этот вопрос однозначно. Я думаю, в какой-то части китайское мышление отличается от европейского. Артём Игоревич [Кобзев] считает, и наукой подтверждено, что у китайцев другой порядок задействования полушарий при выполнении абстрактной или конкретной деятельности, то есть они как бы физиологически думают по-иному. Это может свидетельствовать, в частности, и о другом восприятии мира.

Но это только одно объяснение, есть и другое — независимо от того, какие полушария мозга задействованы для конкретной или абстрактной деятельности, человек биологически един, так как наши прародители — одна конкретная пара родом из Африки. Это тоже сегодня доказано, в частности с применением методов ДНК-диагностики. Но можно, наверное, сказать, что стереотипизированность в сильной степени присуща китайцам.

Есть много примеров, которые свидетельствуют, — может быть, это из-за древности философской и вообще интеллектуальной традиции в Китае, — что они много раз и очень рано пытались стереотипизировать разного рода жизненные явления. Сила это или слабость? Сложный вопрос. Некоторые говорят, что слабость, потому что уменьшает интуитивное начало.

Но, с другой стороны, нельзя сказать, что китайская традиция полностью отрицает интуицию, потому что существует даосизм, который в значительной степени основан

на интуитивном начале. Есть масса других явлений в китайской культуре, которые ориентированы именно на интуицию. Скажем, в средневековой китайской философии и литературе есть такое явление как «ветротекучесть» — «фэн лю цзин»: восприятие жизни, которое в высокой степени ориентировано на интуицию. Китайская традиция этого, в принципе, не отрицает. Я поэтому и пытаюсь подчеркнуть, что да, знание должно быть, но в реальной жизни, конечно, происходит импровизация на основе знания.

М. И. Москвин-Тарханов

Можно ещё один вопрос? Сейчас очень модно стало издавать книги разной мудрости — восточной, такой-сякой, разэтакой. И если мы возьмём, например, римские юридические максимы или китайские высказывания философов, или стратагемы, а потом возьмём сборник народных сказок, поговорок любой страны — осетинских, русских и т.д., — мы найдём там всё то же самое. Не является ли это изложением просто, так сказать, бытовой мудрости, но таким как бы красивым, высоким языком в рамках целостной культуры?

А. Д. Воскресенский

Нет-нет, это не является выражением бытовой мудрости. Почему? У нас это третье издание стратагем. Мне кажется, что в первом и во втором изданиях они хуже переведены и более, так сказать, научные, и с этой точки зрения их тяжелее читать, но они и более интересные, потому что автор этой книги, Харро фон Зенгер, швейцарский профессор, ещё и всю жизнь собирал разного рода интерпретации этих стратагем.

Эти интерпретации представлены как бы тремя уровнями. Один уровень — это то, что встречается в комментариях к самому трактату и связано с разбором каких-либо ситуаций, как правило, из сражений древней истории Китая. В значительной степени это эпоха Троецарствия, классическая эпоха изначальной стратагемной дипломатии. Второй пласт — события и XVII, и XVIII, и XIX веков, и 30-х годов XX века. И третий пласт — сам Харро фон Зенгер учился в Китае в 1950–1960 годах и пытался связать в своих комментариях древние стратагемы и современность, то есть напрямую привязать стратагемы к тому, что делал Мао Цзэдун, либо к тем явлениям политики и международных отношений, которые наблюдались между Тайванем и материковым Китаем в 1960-х годах.

В первом издании даже есть попытки объяснить советскую стратегию с точки зрения китайских стратагем. Но китайская стратагема это не чэньюй [китайские пословицы; букв. «готовое выражение»]. В отличие от такого рода пословиц и поговорок, как чэньюй, в которых в яркой форме выражена народная мудрость, в «Тридцати шести стратагемах» все-таки разъясняются очень конкретные вещи.

Все стратагемы, как я уже говорил, как правило, связаны с военными сражениями, с военной хитростью, с жизненными хитростями, приводящими к победе либо

позволяющими избежать поражения, и поэтому они достаточно инструментальны. Некоторые привязаны к каким-то конкретным историческим ситуациям, некоторые более общие.

Дело в том, что есть трактат «Тридцать шесть стратагем», о котором мы сегодня и говорим, но есть ещё два или три трактата подобного рода с бóльшим количеством стратагем, а есть и трактат «Двести стратагем». Увеличивая количество правил, приёмов, описывающих жизнь, мы сталкиваемся с тем, что жизнь настолько многообразна, что количество этих правил, стратагем стремится к бесконечности. И мы прекрасно понимаем, что свести их к 36 — это значит фактически сформулировать правила игры в го. Но жизнь ведь не игра го, мы это тоже понимаем.

Я. М. Миркин

Можно ещё вопрос? Алексей Дмитриевич, вот Вы занимаетесь сравнительной политикой, я специалист по экономической политике. Сравнивая Россию и Китай, мы видим, что Россия за последнее десятилетие совершила все возможные экономические ошибки в своей политике, в экономической политике. Китай не совершал крупных ошибок. Наверное, были ошибки, но вот больших — не совершал, последовательно усиливая свои позиции. Всегда возникает вопрос: почему? Что это за отбор руководителей, что это за система отбора? Изначально внешне системы были как будто похожи: партии, централизованные структуры, командная экономика и т.д. Искусство жить по правилам? Ответ будет такой же? Я полностью воспринимаю Ваш ответ — что да, встроенные знания, интуиция и т.д. Или Вы как-то более объёмно для себя это объясняете?

А. Д. Воскресенский

Нет-нет, ответ будет другой. У меня есть книга «Восток и политика», я там выступаю как ответственный редактор и один из авторов. Сегодня мне сказали, что вышло очередное издание. Тираж небольшой, и если издательство даст мне авторские экземпляры, я Вам подарю её, раз Вы задали такой вопрос.

Дело в том, что мир всё время меняется, и китайцы это очень хорошо понимают. И в этом, я думаю, секрет их успеха: да, не ломая коренным образом систему, которая была, они сумели от неё в значительной степени отойти, потому что всё время приспосабливались к меняющемуся миру. Не просто приспосабливались, а приспосабливались так, чтобы стать в нём успешными. И китайская модель давно уже не советская модель, хотя внешне она и кажется советской. Китайцы создали механизм регулярной периодической сменяемости высшей власти, механизм отбора руководителей, но в этих общепринятых сегодня механизмах сохраняется значительная доля китайской специфики.

По поводу экономической системы — пожалуй, здесь отход от советской системы осуществлён в ещё большей степени, в ещё большей мере. Политическая система,

конечно, не совсем такая, как на Западе, но многие институты и механизмы современного успешного государства уже внедрены, они просто называются по-другому, а иногда и функционируют по-другому, играя при этом такую же роль, как и в других успешных государствах, в частности, западного типа.

Отвечу проще на Ваш вопрос: я думаю, они успешнее потому, что советский период был у них короче, чем у нас.

А. И. Кобзев

А можно детский вопрос? Всё-таки, а почему стратагем 36? И если они привязываются к гексаграммам, то почему не ко всем 64? Это случайность или здесь есть закономерность?

А. Д. Воскресенский

Мне кажется, что в меру своего понимания я ответил на этот вопрос, думаю, что более глубокого ответа я Вам не смогу дать. Но, Артём Игоревич, если у Вас есть версия,— Вы второй раз задаёте этот вопрос,— то выскажите её.

А. Н. Привалов

Если больше вопросов нет, давайте переходить к выступлениям. Есть? Прошу Вас.

А. Г. Вишневский, *директор Института демографии НИУ ВШЭ*

Я, так сказать, представитель ещё одного вида политики — демографической. А Китай продемонстрировал совершенно уникальную демографическую политику. Он стоял перед теми же задачами, перед которыми стоит множество стран, и один нашёл то решение, какое нашёл. Можно ли как-то увязать, связать, ассоциировать это решение с традициями, о которых вы говорите и которые столетиями вырабатывались в Китае? Соответствует ли это какой-нибудь стратагеме, например? Потому что Вы сказали, что они ничего не ломали. А мне кажется, что ломали, и довольно много. Если говорить о демографической традиции, они её поломали напрочь. Это уникальный пример, притом, так сказать, глобального значения.

А. Д. Воскресенский

А что поломали, извините?

А. Г. Вишневский

Демографическая политика, которую они проводят, поломала то, что все ломают, но в Китае это сделали за гораздо более короткое время, с гораздо большей эффективностью. И с непредсказуемыми последствиями, кстати.

А. Д. Воскресенский

А что все ломали? Извините, я, может быть, не в курсе.

А. Г. Вишневский

Ну, если Вы не знаете, я скажу. Как известно, в прошлом у всех народов была очень высокая рождаемость, в том числе и в Китае. Теперь же она везде стала или становится низкой. Но это не просто сделать, для этого всем приходится очень многое ломать, все культурные установки на высокую рождаемость, это не у всех получается, а в Китае получилось.

А. Д. Воскресенский

Но у них была сверхвысокая рождаемость.

А. Г. Вишневский

Нет, не сверх, у них была, как у всех. Думаю, в России в своё время она была выше. Но сейчас в Китае она такая, как в Европе, даже ниже, чем во многих европейских странах. Рано или поздно, к этому все придут. Только китайцы прошли свой путь совершенно уникальным образом. И вот, зная об этой уникальности, я пытался как-то уловить её связь со спецификой стратагемного мышления, о котором Вы говорили. Я очень далёк от того, о чём Вы рассказывали, всего, конечно, не уловил, но какие-то вопросы возникли, в частности этот.

И добавлю уже другое. Сейчас мы все пребываем на некотором историческом витке, когда мы более или менее представляем себе, как могут развиваться события и наши возможные взаимодействия с Европой, Америкой. Мы можем ошибаться, но какие-то идеи на этот счёт у нас есть. А вот реакция Китая на нынешнюю ситуацию для меня в каком-то смысле загадка. Несомненно, он тоже как-то на неё реагирует и, более того, извлекает из всего этого выгоду, это понятно. Но что за этим стоит — традиционная специфика поведения политического класса этой страны или всего общества, или это просто какая-то стратагема особой хитрости, или что-то ещё? Хочется как-то увидеть, понять это стратагемное мышление в свете тех вопросов, которые нас сегодня тревожат, скажем так.

А. Д. Воскресенский

Понятно, Вы хотите, чтобы я в двух словах рассказал какую-то страшную тайну про Китай, которая сразу сделает всё понятным. Мне кажется, что в жизни так не бывает.

Теперь — всё-таки я не зря пытался добиться от Вас уточнений, Вы как-то уворачивались, но всё-таки сказали, что в Китае было то же самое, что у других.

Но в Китае был Мао Цзэдун, который сказал, что мы будем вести ядерную войну, и даже если все в мире погибнут, то останутся китайцы, и поэтому нужно размножаться — будет много китайцев, это будет хорошо. Вот такое было высказывание. Можно в ответ я задам Вам вопрос? А в какой другой стране был такой лидер, который выступал с такими высказываниями, подкреплёнными реальной политикой? Это,

конечно, риторический вопрос. Да, конечно, в Китае было так, как у других, но и не так, как у других.

Теперь, а в какой момент настало понимание того, что нужно менять свою политику? Я думаю, тогда, когда стало понятно, что политика, которая проводилась соратниками Мао Цзэдуна, нежизнеспособна. Вот последние десятилетия правления Мао Цзэдуна: «Большой скачок» и «Великая культурная революция» — они-то и привели страну с огромным населением к такой ситуации, когда нечего было есть, люди ели древесные грибы, землю ели. В Китае даже была такая поговорка: есть можно всё, что плавает, кроме подводной лодки; всё, что летает, кроме самолёта; всё, что ползает, кроме танка.

В 1985 году я приехал в Китай в провинцию Хэйлуцзян — это уже был Китай, в котором с 1976 года шли реформы, — так сложилась моя жизнь, я попал благодаря рекомендации Владимира Степановича [Мясникова] переводчиком в совместную советско-китайскую экспедицию по исследованию реки Амур. Тогда, на излёте существования Советского Союза, появилась идея перегородить Амур плотиной, чтобы многочисленным окружающим народам, проживающим по обе стороны реки, но в основном всё же на китайской стороне, дать электричество.

Экспедиция проплыла от Хабаровска до Шилки и высаживалась то на одном, то на другом берегу. Я никогда не забуду китайские деревни, которые я тогда видел. Люди в них жили даже не в землянках, а в земляных норах, это просто невозможно себе представить! — к вопросу о бедности Китая в то время. Но это, кстати, свидетельствует о коренном переломе в сознании руководителей и народа — такая была тяга изменить эту чудовищную ситуацию в стране. Может быть, и сыграло как раз свою роль именно то, что дальше уже было просто некуда — страна за годы «большого скачка» и «культурной революции» была полностью разорена. И никто не верил, что она когда-либо сможет подняться, а уж тем более занять место второй экономики мира.

Часто говорят, что одно из преимуществ Китая — дешёвая рабочая сила. Но это преимущество будет существовать ещё достаточно долго, потому что в Китае — есть разные цифры, я привожу примерный порядок цифр — на 2 доллара в день живут примерно 360 миллионов человек, на 1 доллар в день — примерно 180 миллионов человек. Соотнесите 180 миллионов человек с населением нашей страны, и станет понятно, сколько нужно ещё китайцам сделать, чтобы превратиться в страну «сяокан», то есть, как иногда переводят — в страну «средней зажиточности», средней обеспеченности.

А. Г. Вишневский

Но я всё-таки не об этом спрашиваю. В пещерах и в нищете живут и жили не только в Китае. Но, так или иначе, они приняли решение резко снизить рождаемость, провели и реализовали его. Я совершенно не оцениваю их демографическую политику, я просто спрашиваю — были ли именно для такой политики какие-то предпосылки в каких-то традиционных вещах, в этом наборе стратагем или в чём-то ещё? Или это было совершенно не увязанное с прошлой традицией решение?

А. Г. Вишневский

А. Д. Воскресенский

Нет, почему! В этом смысле знание сакрально. Ничего не делается без знания. Политика Дэн Сяопина в этом смысле — продолжение того, что было разработано в конце 1950-х годов, но потом было отброшено Мао Цзэдуном. Когда стал ясен крах политики Мао Цзэдуна и группировки Цзян Цин, была поставлена новая стратегическая цель, и к ней будут идти до конца. Не знаю, ответ ли это на вопрос, который Вы задали.

А. Г. Вишневский

Это о китайцах или вообще обо всех?

А. Д. Воскресенский

Я говорю о китайцах.

А. Н. Привалов

Анатолий Григорьевич, это уже диспут — Вы задавали вопрос. Ещё вопросы? Тогда, если позволите, переходим к высказываниям.

Владимир Степанович, Вы не хотите ничего сказать? Академик Мясников, прошу!

В. С. Мясников, академик, руководитель Центра сравнительного изучения цивилизаций, ИНИОН РАН, академик РАН

Уже начавшаяся дискуссия, конечно, меня тоже вовлекает в разговор.

Несколько замечаний. Мне кажется, что Алексей Дмитриевич очень удачно сравнил игру в шахматы и в вэйци (го). Действительно, в смысле стратегии вэйци — это суперигра. Хочу привести один пример.

Один из главных деятелей китайской революции, маршал Чэнь И, был чемпионом Китая по игре в вэйци. Представляете его уровень, да? А вот как это преломлялось, например, в дипломатии? Когда в 1958 году в Женеве обсуждали проблемы Индокитая, прилетели туда Чжоу Эньлай — премьер-министр, он же министр иностранных дел, и Чэнь И. Это было первое появление красных коммунистов в Европе. Журналисты думали, что увидят людей с ружьями, наверно, они какие-то дикие. Маршал Чэнь И пошёл на кладбище, возложил цветы на могилу Вольтера, написал стихи по этому поводу и опубликовал их. Вот тут Европа, извините, и развела своими ручками.

Вот что такое китайский революционер, маршал. Поэтому, конечно, подготовка таких людей в плане стратегического мышления была очень высока. Другое дело, что Мао Цзэдун позволял себе какие-то игры с собственным народом. Это отдельный вопрос. Но он же выдвинул лозунг «взять древность на службу современности». Всё, что было полезного, придумано, разработано в Китае в древние времена, должно служить современности. Стратегемы зародились одновременно примерно в Греции, в Китае. Может быть, где-то ещё, не знаю.

Алексей Дмитриевич уже сказал, что есть греческие трактаты, да. Но в Греции даже в воинском искусстве не было такого подхода, чтобы с помощью какой-то ловушки добиться победы. Ведь царь Леонид стоял насмерть без всяких стратегем: «Приди и возьми» — вот его позиция на требование отдать оружие. И воины погибли, но они вошли в историю как героические личности. В Греции считалось, ну как вам сказать, к ловушке можно прибегать, но лучше всё-таки побеждать в честном бою, без какой-то хитрости. А в Китае это высоко ценилось: хитрость — тоже честно, потому что ты должен знать хитрости.

Давайте так: есть трактат, о котором идёт речь [«Тридцать шесть стратегем»], он появился в эпоху династии Мин — это уже довольно поздний период. Но до того, во время войн в период Чжаньго⁶, в Китае военачальники и другие использовали массу стратегем. И всё это современный Китай взял на вооружение. Но в каком смысле?

В первую очередь — что такое стратегемы? Это стратегический план, маленький, частный. Для какой-то отдельной военной, штатской, личной ситуации, но это план. Так вот в этом смысле Китайская Народная Республика и её население — это

⁶Чжаньго (Борющиеся царства) — период эпохи Чжоу в Китае (403–221 до н.э.). Отмечен борьбой царств Цинь, Хань, Вэй, Чжао, Янь, Ци, Чу за господство в стране.

В. С. Мясников

наиболее приверженная к составлению планов часть человечества. Если вы ведёте дела с Китаем, и на деловой встрече делегаций от обеих сторон у вас нет плана — ну, на вас будут смотреть как на каких-то несмышлёнышей: должен быть план! Вот у китайцев всегда есть план. Они и XXI век весь распланировали до конца столетия, и весь народ знает этот план. Поэтому и стратагемы вошли в сегодняшнюю жизнь Китая.

Почему ещё? Потому что в литературе — об этом говорилось — очень многое сделал театр, театр юаньской эпохи, минской эпохи. Там практически все пьесы с названиями стратагем. И актёры перекидываются репликами старых стратагемщиков. Зал слушает, радуется, хохочет, аплодирует — и всё живёт этим, понимаете. Такова, как вам сказать, духовная сущность нынешних китайских граждан.

К этому я могу добавить только одно — что весь административный и партийный аппарат сегодня в Китае обязан проходить специальные курсы познания стратагем и совершенствования в этом искусстве. Для чего? Чтобы правильно вести дела. Чтобы, когда встречаетесь с иностранцами, вы были подкреплены «нашим традиционным знанием». Ну, что же, честь им и хвала.

В. П. Мазурик

Могу сказать, что ещё меня как-то порадовало. Я был в городе Чэндэ. Это километров тридцать на северо-восток от Пекина, бывшая провинция Жэхэ, где китайские императоры спасались от летней жары. Тогда экология была нормальная, но в Пекине все-таки был жаркий климат. А там горная местность, примерно на 8–10 градусов прохладнее. Огромный императорский дворец, стена его — 10 километров. Представляете какой, да? И вход. Я подхожу к входу и читаю: да, дворец, музей и т.д., а на другой табличке: «Здесь заседает общество изучения стратагем». Я говорю, как прекрасно выбрали место — там, где знаменитые императоры сидели, составляя стратагемы!

Кстати, ещё от Древнего Китая: в руководстве страны особенно ценятся чиновники, умеющие составлять планы, предлагать планы, обсуждать их с руководством страны и т.д. Идёт постоянное творчество, начала которого заложены тысячи лет назад.

В Европе это не укоренилось, потому что христианская мораль считала неприличными вот такие уловки, вот такие моральные трюки. Это несовместимо с христианской моралью — и католической, и другой. А у китайцев религия — это такое свободное дело.

Артём Игоревич [Кобзев] задал вопрос: почему тридцать шесть стратагем? Это сакральное даосское число, насколько удалось более или менее провести исследование, его взяли за основу. Почему — не знаю.

Ну, что ещё можно сказать? На эту тему можно говорить бесконечно, это интересно. Единственное, что могу сказать — посмотрите эту книгу. Я вынужден был подготовить уже третье её издание. В то время когда у нас это было уже всё открыто, появился Харро фон Зенгер, мы с ним встретились на одной из европейских конференций, он вывесил объявление, что у него есть такая книжка. Я говорю, иди сюда, поговорим. Поговорили. Ну, вот так, в общем, мы с ним дружим до сих пор.

Я всегда содействую изданию этой книги, потому что она очень популярна и в Китае. В Китае книга выходила неоднократно тиражами 200–400–600 тысяч экземпляров. Население огромное, все книги расходятся моментально. Эта книга переведена практически на все языки мира, так что теперь это уже стало таким всемирным достоянием.

Ну, вот всё, что я могу добавить к блестящему, на мой взгляд, докладу Алексея Дмитриевича.

А. Н. Привалов

Спасибо. Кто хотел бы высказаться? Прошу Вас.

В. П. Мазурик

Слушая предварительные уточнения терминов и позиций, я ещё раз убедился в справедливости утверждения академика Конрада⁷ о различии моделей национального мировосприятия.

Индусам, говорил он, издревле был свойствен космизм. За тысячи лет до европейской цивилизации в Упанишадах и в других своих классических книгах они задумывались о строении Вселенной, решали вопросы n-мерных логик и т. д. Убедительного объяснения этого феномена не существует до сих пор. Китайцев же Конрад определял как социальных прагматиков и сторонников системного подхода во всём (недаром их иногда называют немцами Дальнего Востока). А вот японцев он считал прирождёнными художниками, что в несколько более общем виде можно сформулировать как высшую способность к синкретическим видам практики: японцы «художники» и в ремесле, и в войне, и в научном эксперименте.

Различие культур Китая и Японии начинает проявляться у студентов с первых же языковых занятий. Китаисты иероглифы учат системно, с учётом ключей, фонетиков, графических алгоритмов и т. д. Японские иероглифы эффективнее запоминать в контексте с акцентом не на логику, но на интуицию, образно-эмоциональное

⁷ Конрад Николай Иосифович (1891–1970) — филолог и историк, специалист по дальневосточным культурам, академик АН СССР.

восприятие, поскольку формальные признаки этих знаков слишком подвижны. А это достигается только практикой.

В смысле незначительности места, занимаемого в культуре школами академической философии, Япония ближе не к Германии, а к России, где философские идеи весомее представлены в искусстве, религиозной практике и т.д. Дело, видимо, в том, что народы удовлетворяются разной степенью формализации уже накопленных знаний и инструментов продолжающегося познания. Начинается оно, правда, с общего базиса фольклорной семиотики, представленной, например, в действующем своде народной афористики.

На многие задававшиеся сегодня вопросы о практическом применении традиционных знаковых систем с простотой гениальности ответил ещё В. И. Даль в своём «Напутном слове» к собранию русских пословиц и поговорок. Собрание это, пояснял он, «не есть катехизис нравственности, ниже наказ обычаям и общежитию», и в нём «именно должны сойтись народная премудрость с народною глупостью, ум с пошлостью, добро со злом, истина с ложью». Собрание текстов — лишь классификация типичных положений, инструмент народной диалектики, а не сама она, проявляющаяся в том, как именно говорящий применяет тот или иной текст к жизненной ситуации. Сиюминутный выбор стратегий для практики важнее любого их системного изложения. Даль иллюстрирует это традиционным афоризмом: «Хороша пословица в лад, да в масть».

Учёная же мысль стремится закрепить знание в формальной системе, чья непротиворечивость, впрочем, как известно из теоремы Гёделя, не доказуема внутри самой этой системы (народный идиоматический фонд противоречив принципиально). Так, например, выдающийся отечественный языковед и паремиолог Г. Л. Пермяков, с которым мне посчастливилось сотрудничать по теме японских загадок, в последние годы жизни работал над проблемой построения «пословичной грамматики», как в своё время В. Я. Пропп создавал «морфологию волшебной сказки». Он выделил четыре базисных логико-семиотических инварианта в пословицах и изучал способы их взаимодействия.

Китайцы ещё в «Книге Перемен» [И-Цзин], создание которой относится к античному периоду исторического «осевого времени» (VI в. до н.э.), создали такую универсальную систему классификации всего, а в последующие века развивали только методы интерпретации и комментирования этой системы.

У японских воинов практика солдата всегда была актуальнее стратегии генералов. Японцы вообще по природе своей ближе не к конфуцианской системности, а к даосскому экзистенциализму. Один знакомый японец, хороший игрок в го, говорил мне, что победную позицию в облавных шашках он не просчитывает, но ощущает как «красивую».

Да и наш писатель Толстой в «Войне и мире» теоретической стратегии Наполеона предпочитает гениальную интуицию Кутузова.

А. И. Кобзев

Наличие «Книги Перемен», или «Книги Стратагем», само по себе не делает китайцев лучшими стратегами, чем другие народы, но свидетельствует о сильном желании китайцев упорядочить жизненный хаос.

А. Н. Привалов

Спасибо. Прошу, Артём Игоревич.

А. И. Кобзев

Я все-таки позволю себе вернуться к основному предмету, а именно к совсем небольшой книжке «Тридцать шесть стратагем», которую можно интерпретировать по-разному и делать это сколь угодно долго. Вот, например, её русский перевод в виде маленького карманного издания (М., 1997). А можно издавать томов многопудье, как два пухлых тома «Стратагем» Харро фон Зенгера (М.: Эксмо, 2004).

В уже прозвучавших некоторых вопросах и ответах проявилась связанная с объемом данного текста проблема — сравнение с разными народными мудростями, банальностями и даже глупостями. Отмечу только один факт: сборники и списки народных пословиц и поговорок формально не ограничивают их количество,

которое неопределённо, и никому не пришло в голову привязать к ним какое-нибудь число, пусть даже сакральное. А здесь, напротив, всё очень чётко сосчитано, немногочисленно, количественно определено и маркировано особым числом, которое я называю нумерологическим.

Кстати, Алексей Дмитриевич осуществил очень хороший, методически грамотный и, я бы даже сказал, стратегаемный заход, проведя в начале своего выступления аналогию с игрой в го, или по-китайски *вэй-ци*. Только, мне кажется, не был сделан следующий логический шаг.

Достаточно задаться вопросом: в чём, собственно, разница между шахматами и го, почему в первом случае машина выигрывает у человека, а во втором — нет? Ответ очень прост: эти игры различаются степенью формализованности. Чем больше степень формализованности, тем легче выигрывать машине, а чем меньше — тем легче человеку, потому что он сам неформализуем. И смысл упомянутой здесь теоремы Гёделя, точнее двух его теорем о неполноте, совсем в другом — в том, что даже такая простая система, как формальная арифметика, неполна, а мало-мальски сложные и полные системы не формализуемы. Поэтому человек, а не машина успешно работает с неформализуемыми системами и неформальными предметами — в этом его специфика, а орудия у него могут быть формальными и формализуемыми.

Но тут возникает противоречие: как орудиями, которые наиболее эффективны (это показывает самая научная из наук — математика), работать с принципиально неформализуемым миром? У китайцев есть свой ответ на этот проклятый вопрос человечества.

Я привлекаю внимание уважаемых участников к тому, что рассматриваемая книжка начинается нумерологической фразой: «Шестью шесть — тридцать шесть». Этот небольшой трактат формально сопоставим с каноническими текстами христианства, где, как в «Символе веры» или Господней молитве «Отче наш», каждая буква имеет значение, и все они строго сосчитаны. Здесь так же учтён каждый иероглиф. Без понимания этой особенности мы опять будем говорить о планах вообще, — а где их нет? О всяких полупремудростях и благоглупостях, — а где их нет? О добрых советах, — а где их нет? В принципе везде подобное есть. Это, так сказать, человеческое, слишком человеческое.

А что тут специфически китайское? На мой взгляд, таковое обнаруживается, если просто внимательно посмотреть на структуру, на архитектуру книги. Всю её задаёт присутствующее в заглавии число 36, которое является квадратом 6. Поэтому закономерна первая строка: «Шестью шесть — тридцать шесть», прямо говорящая о том, что перед нами не линейный, а «квадратный» текст. Это значит, что он прежде всего двумерен, принципиально отличаясь от любого западного линейного текста.

Его двумерность можно сравнить с табличной или стихотворной формой подачи информации. Развитие этого сюжета действительно приводит к вопросу

о функциональной асимметрии мозга, разных функциях его полушарий и проявлениях этих различий в разных культурах. Упоминание об этом в данном контексте очень правильно. Предмет нашего обсуждения демонстрирует специфический способ использования особенностей обоих полушарий, потому что предполагает включение как логической, так и образной функции. Сам по себе нелинейный, например табличный, способ подачи информации её автоматически визуализирует, то есть любому, даже самому логизированному знанию придаёт образную форму.

Следующая подсказка — соотнесение всех стратагем с гексаграммами (*зюа*) «Канона перемен» («И-цзина»). Основу этой самой известной китайской книги составляют 64 гексаграммы, а 64 — также квадрат фундаментального нумерологического числа 8, и гексаграммы, соответственно, представлялись в квадратном расположении 8 на 8, то есть в восьми строках и восьми столбцах.

Вот тут и возникает совершенно точная ассоциация с 64-клеточной (8 x 8) шахматной доской, применяемой как в китайских шахматах *сян-ци*, так и в го (*вэй-ци*). Бóльшую, чем у шахмат, сложность го придаёт увеличение размера доски до 18 на 18 в самом распространённом варианте. В случае с го имеет место расширение базового квадрата 8 на 8, а у стратагем, наоборот — сжатие до размера 6 на 6.

Эта размерность тоже генетически связана с гексаграммами, о сущностной шестеричности которых говорит само название «гексаграмма» (правда, западное, а не исконно китайское). Каждая гексаграмма состоит из шести позиций, занимаемых одной из черт двух видов — целой или прерванной (*ян* или *инь*), давая во всех возможных комбинациях 64 варианта по формуле: 2^6 . Можно даже усмотреть тут красивое соотношение этого числа 2^6 с количеством стратагем 6^2 .

Кроме того, черты имеют троичную структуру, благодаря чему каждая гексаграмма представляет собой геометрическую фигуру, сопоставимую с прямоугольником 3 на 6. Поскольку в «Каноне перемен» гексаграммы связаны попарно, каждая пара также образует квадрат 6 на 6.

Итак, гексаграммы — это геометризированные двумерные фигуры, имеющие нумерологические числовые характеристики, которые привязаны к каждой гексаграмме и к каждой её черте. Значит, они выражают абстрактный и математизированный уровень передачи связанной с ними информации. Предшествующие им четыре или три иероглифа, обозначающие стратагемы, можно соотносить с пословицами и поговорками, но дальше следуют геометризированные картинки, являющиеся ключами к информации более высоких уровней, операции с которой подобны компьютерным.

По китайским представлениям, таким образом закодировано знание обо всём на свете. Через ту или иную стратагему человек выходит на практически бесконечный ряд разнообразной информации, поскольку по законам коррелятивного мышления, или универсальных ассоциаций, в эти схемы встроены все предметы и явления мироздания: координаты пространства и времени, части тела и органы чувств, цвета, вкусы, запахи и т.д.

Дальше в структуре стратагемы идёт следующий уровень: приводится объясняющий её текст, который носит философский характер и принадлежит действительно какой-то из упоминавшихся здесь школ (даосской, конфуцианской, военной философии). Попутно отреагирую на прозвучавший вопрос об основоположнике стратагемного подхода Сунь-цзы: даос он или конфуцианец? Он представитель собственной школы — военной философии, которая ближе к даосизму, чем к конфуцианству.

Важнее, однако, не принадлежность прилагаемого к стратагеме текста к какой-то конкретной школе, а его философский характер. За таковым следует типологически иной, беллетризированный текст, который может быть и стихотворным. А за ним приводится исторический прецедент. Следовательно, в этом многослойном пироге мы находим отражения всех основных форм культуры, или, как раньше говорили, форм общественного сознания. И они воплощены, повторяю, не просто в линейных текстах, а в двумерных построениях и геометризованных образах. Кстати, в некоторых изданиях к ним ещё прибавляются иллюстрирующие картинки.

Таким образом в традиционном Китае в целом решалась проблема оптимальной упаковки, или, если угодно, архивирования, огромных объёмов информации, накапливавшейся за тысячелетия непрерывного развития.

Добавлю, что китайцы — мастера не только сжимать собственное население до нужных или предписанных величин, но так же и расширять. Вот, кстати, Вы [А. Г. Вишневскому] зря поправили Алексея Дмитриевича: у китайцев были периоды, когда они и по плодовитости шагали впереди планеты всей. Их численность в стандарте веками колебалась вокруг 50 миллионов. Но интересный факт: при том что за трехтысячелетнюю историю они не превосходили максимума в 50–60 миллионов, то есть оставались на уровне крупных европейских государств, когда их завоевали маньчжуры в середине XVII в., — с этого уровня они скакнули на значительно более высокий.

Покорённая страна, для того чтобы выжить, и более того — растворить в себе маленький народ завоевателей, существенно увеличила численность своего народонаселения, которое оставалось лимитированным меньшей величиной, повторяю, тысячелетиями. На рубеже XVIII–XIX веков китайцев уже стало 300 миллионов, а в XIX веке — 400 и т.д. Даже в катастрофическом, может быть, самом тяжёлом для них XX веке они в демографии достигли таких фантастических величин, которые им приходится сейчас директивно уменьшать.

Но основная речь не об этом. Возвращаюсь к тезису о том, что китайцы — мастера всё оптимально упаковывать, и в том числе информацию, главным носителем которой в любом человеческом сообществе выступает естественный язык.

Китайский язык в письменно-литературной форме *вань-яня*, используемого опять же примерно три тысячелетия, даёт (что легко сосчитать) при переводе на русский язык шестикратное увеличение текста. Даже современный китайский язык, основанный не на одиночных слогоморфемах (иероглифах), а на их парных сочетаниях, даёт

при переводе коэффициент один к трём, а *вэнь-янь* — как минимум в два раза больше. Это свидетельствует о его огромной способности к архивированию информации, прежде всего в такого рода текстах, как разбираемый трактат о стратагемах.

Китайцы всегда были искусными мастерами работы с огромными массивами информации. Как известно, они являются чемпионами мира по созданию всяких словарей и энциклопедий. Эти рекорды, поставленные ими столетиями назад, до сих пор никем в бумажном варианте не превзойдены. Они умели обрабатывать разнообразные и универсальные сведения, плотно упаковывая их в столь компактные формы. Поэтому подобные книжки — результат своеобразных упаковочных процедур.

Причём рассматриваемый образец [«Тридцать шесть стратагем»], хотя и скрывался до поры до времени, в общем-то, предназначен для народа, являясь достаточно простой формой передачи традиционной информации, которую можно считать на разных уровнях. Если читатель беллетристически ориентирован, любит читать романы, то он извлечёт эту информацию из приложенного беллетристического текста. Если он исторически ориентирован, то вспомнит соответствующий эпизод из истории. Если же мыслит более абстрактно, то постигнет общую схему и прочтёт стоящий за ней длинный ассоциативный ряд.

Вот, мне кажется, в чём состоит специфика этой книжки, которая играла роль интеллектуального инструмента и выглядит древним аналогом современных гаджетов.

А. Н. Привалов

Спасибо большое. Кто ещё хотел высказаться? Маэстро, прошу Вас.

А. З. Бондурянский, проректор Московской консерватории

Буквально несколько слов, очень интересная тема. Поскольку приходится иметь дело с китайскими студентами, с китайскими коллегами, то много чему можешь поучиться, и, тёшу себя надеждой, много чему поучить.

Прежде чем обратиться к Китаю, я бы хотел возразить Владимиру Степановичу насчёт того, что в Греции было постыдно хитрить и прибегать к ловушкам. Я думаю, что один из эпизодов, воспеваемых греками, связан именно с ловушкой и хитростью: Троянский конь. Куда же ещё более? Просто у Леонида другая ситуация была. А так, насчёт ловушек и хитростей — никто не пренебрегал ими.

А. И. Кобзев

У Леонида тоже ущелье, между прочим, было.

А. З. Бондурянский

Да, и хорошо их там метелил. Что касается китайцев — ни для кого не секрет, но применительно к музыке это очень интересно: они очень умеют учиться, причём это

А. З. Бондурянский

воспитано в них сызмальства. Я думаю, что это как раз искусство выживать. Искусство, может быть, не столько жить, сколько выживать, то есть как можно раньше собрать большую-большую сумму знаний, аккумулировать их и сделать эту сумму полезной для всей дальнейшей жизни. Мне кажется, что это, безусловно, отличает их от многих.

Не так давно мне довелось вести мастер-класс в Германии, где были представители совершенно разных стран, разных школ, в том числе много китайцев. Их вообще много, их сейчас много в Европе, их много в Америке. Вы знаете, что симфонические оркестры практически если не на половину, то на треть состоят из китайских музыкантов, и это везде. И это объяснимо: потому что они очень хорошо обучаются, они умеют систематизировать знания, выводить из полученных знаний какой-то алгоритм, который помогает им очень успешно осваивать профессию, вплоть до великолепных примеров, скажем, как в случае с Ланг Ланг [китайский пианист].

При этом очень интересно, что если вы объясняете российскому, европейскому студенту, например, какой-то гаммаобразный пассаж в каком-то

сочинении, и он его выучивает, то в следующем сочинении похожий пассаж заставит его заново задуматься о месте этого пассажа в контексте сочинения и как бы учить его заново. С китайцами этого не происходит, они выучивают гаммаобразный пассаж и в любом сочинении, где встречается гаммаобразный пассаж, «выстреливают» его моментально — для них это уже не проблема. Но дело в том, что значимость этих пассажей в разных сочинениях различная. И там, где надо переступить порог системы, выйти за неё и дать волю какой-то фантазии и переосмыслению, — вот тут возникает некое несоответствие, когда мы можем говорить, наверное, о разнице в менталитете, разнице в мышлении, в направленности мышления и т.д.

Ещё я бы мог сказать, что, конечно, китайцы заслуживают всяческого подражания: так, как они строят своё государство и делают с ним всё что хотят, — так, наверно, не удаётся никому.

Вы посмотрите, что происходило. Была свержаемость, потом взяли и повернули рукоятку, повернули тумблер, и наступила самая низкая рождаемость. Причём это делается просто, как я понимаю: правители объясняют, что так надо, и все поступают так. Во времена культурной революции и после неё у них было запрещено всякое упоминание о европейском искусстве, всякое упоминание классической музыки. Сейчас у них одни из лучших оркестров. Сейчас классическая музыка в большом почёте, строятся консерватории.

Вот, скажем, мы сейчас обсуждаем — у нас это большой вопрос, если вы читаете Интернет, связанный со школами-одинадцатилетками. Так вот в Китае их создают просто в немыслимом количестве. И они говорили о том, что сейчас в Европе принято решение о создании музыкальных гимназий. Мы закрываем, а они открывают. Они так долго нам завидовали, что решили делать сами. Но в Китае это принимает массовый характер, потому что там понимают, что это путь к профессиональному совершенству, это полезно.

Китайцы действительно большие прагматики. Вы посмотрите, они приезжают учиться к нам, их приезжает много. Не только в Московскую консерваторию, они приезжают в Гнесинскую академию, и в питерскую консерваторию, во все консерватории. Учатся у нас. Работать они едут в Европу и в Америку. Они не претендуют на места в наших художественных коллективах. Они понимают, что здесь, во-первых, нет денег; во-вторых, здесь нет работы. А с полученным образованием и достигнутым уровнем мастерства они вполне могут рассчитывать на успех, работая в Соединённых Штатах и в Европе.

Так что это очень интересная страна, нам с ними жить, сосуществовать, и очень хорошо, что мы можем друг у друга учиться.

А. Н. Привалов

Спасибо, Александр Зиновьевич. Прошу Вас, Михаил Иванович.

М. И. Москвин-Тарханов

У меня три мысли, я пробую думать. Первая мысль такая. У меня всегда было ощущение, что человек, который умеет играть в шахматы, в го, в шашки столклеточные, даже в домино, — он очень умный. Совсем не так. Вот, например, чемпион мира Каспаров. Ну, да-да, ну чемпион мира, но вот всё остальное-то!

Когда-то некий академик сказал по этому поводу: умение играть в шахматы — это всего лишь умение играть в шахматы, как умение прыгать с шестом или умение играть на флейте. Качественно на человека это не влияет. Это просто специфическое, профессиональное умение, оно не развивает ум, не делает человека стратегом, оно вообще почти ничего не даёт. Кстати, с ним был согласен Наполеон Бонапарт, который в шахматы не играл. В шашки, правда, играл.

Поэтому интересно, есть ли связь между игрой го, особенностью этой игры, и стратегическим мышлением, или это так же, как шахматы и шашки, — просто умение что-то такое делать хорошо? Скажем, умение выпиливать лобзиком или умение опять же играть на арфе. Это очень интересный вопрос, который для меня остаётся открытым.

Второй вопрос: планы — импровизация. Я принадлежу к очень странному народу, я вдруг это открыл для себя: мы не можем работать без плана, который мы нарушаем. План должен быть — план чего-то, например, Генеральный план города Москвы, чтобы сразу, в момент его принятия, начать его нарушать. Без него неудобно, неуютно, а с ним ты знаешь, что ты нарушаешь, тебе спокойно: ты знаешь, сколько ты нарушил. И когда ты будешь принимать следующий генеральный план, ты учтёшь то, что ты нарушил, вставишь это в генеральный план и начнёшь нарушать всё то, что ты вставил. Так же было и с советским планированием, кстати. Это, в общем, удивительная особенность нашего народа — придерживаться планирования с обязательным нарушением оно́го планирования.

И вот здесь возникает опять же очень интересный вопрос: как Мольтке Старший⁸ по этому поводу думал, когда говорил об армии? Он говорил так: на нижнем уровне солдат должен быть верный, стойкий и умелый, храбрый; на высшем уровне — стратег, математик, холодный ум, расчёт. А вот средний уровень — это импровизация.

Командир батальона, командир полка работает на местности, он должен всё время приспосабливаться — это искусство. Искусство ведения войны необходимо на среднем уровне. И обратите внимание, со стратегией у нас бывает по-разному, а вот там, где нужна импровизация, — мы очень хороши.

Китайцы наоборот — они стратегически мыслят, они замечательно стратегически мыслят. Но все опыты боевых действий с ними показывают, что тактически они очень часто проигрывают, причём проигрывают совершенно примитивным командирам — английским, французским, нашим, японским. Вот поэтому, когда я услышал

⁸ Мольтке Хельмут Карл (Старший) (1800–1891) — германский генерал-фельдмаршал, военный теоретик.

заявление китайского МИДа сегодня... Китайский МИД сказал следующее: что он всегда готов оказать помощь России в трудный период в разумных пределах. Чувствуете? Замечательное заявление, истинно китайское. И что русским будет трудно три года, а потом будет хорошо.

(Из зала: «Два, по-моему».) Президент сказал — два, китаец сказал — три, три года будет трудно, потом будет хорошо. Я прямо уловил дыхание Поднебесной. Вот эта «помощь в разумных пределах», и «три года будет трудно, а потом хорошо» — совершенно потрясающе! Вот оно, стратегическое планирование. Во, где мудрость.

А. Н. Привалов

Вот тут чего-то вот... десять лет труда и десять тысяч лет счастья — как-то всё это настораживает. Хотите высказаться? Прошу Вас.

А. Г. Вишневский

Здесь переплелись несколько сюжетов. Не далее как вчера вечером я разговаривал со своим приятелем-математиком, который между делом рассказал мне, что Карл XII, шведский король, хотел ввести шестидесятичетырехричную систему, потому что 64 — это одновременно и куб и квадрат, и вообще такое мистическое число. И он высказал соображение — об этом вроде бы писал Вольтер, — что если бы не Пётр I, может быть, он и ввёл бы во всей Европе эту шестидесятичетырехричную систему. Но мне кажется, что в Европе это бы не прошло.

А. И. Кобзев

Её ввели, Вы не заметили. Это имеется в виду двоичная система, которую, собственно, и описал Лейбниц и представил своему курфюрсту, о чём, так сказать, оповестил и нашего Петра. Это всего лишь двоичная система, на которой работают все современные гаджеты, и ничего больше. И на которой, кстати, построена та самая «Книга перемен». Всего-навсего.

А. Г. Вишневский

Мы всё-таки живём в десятичной системе.

А. Н. Привалов

Цифровой мир действительно двоичен. Но мы не об этом.

А. Г. Вишневский

К чему я все это говорю? Если сравнивать античность европейскую — греческую, римскую — с китайской, то всё-таки греко-римская античность, в общем-то, дала толчок очень динамичному развитию Европы, корни европейской цивилизации уходят туда. А китайская античность такого толчка не дала. То есть Китай, конечно, великая страна, но всё-таки это страна, которая очень долгое время находилась в застое.

По некоторой иронии судьбы дед моей жены был участником подавления Боксёрского восстания⁹, тогда небольшой международный военный отряд быстро навёл порядок. Ну, насколько надолго — это другой вопрос, но по крайней мере тогда, они шуровали там очень свободно, несмотря ни на какие китайские стратагемы. Так что, возможно, надо искать (и, наверно, кто-то этим занимается) в этой китайской традиции и китайской мудрости не только основания для каких-то успехов, но, возможно, и причины каких-то застойных или стагнационных явлений в китайской истории.

Что касается современного мира — знаете, я ещё помню, когда сюда приезжали китайцы, которые тогда не желали сокращать рождаемость. Они привозили цитаты из статьи Ленина «Рабочий класс и неомальтузианство», совали нам их под нос и говорили, что мы забыли свою истину, которую только они и хранят. Когда же положение там изменилось, и получила развитие более разумная политика, они стали делать то, что делали и другие страны.

Но вот в чём вопрос: почему Индира Ганди споткнулась и не смогла сделать того, что смогли китайцы? То есть хочется понять, — как Вы правильно сказали, есть общечеловеческое, а есть китайская специфика, — в чём она?

А. Д. Воскресенский

В Индии — демократия.

А. Г. Вишневский

Ну, демократия. Мы говорим о глубинных, о давних традициях.

А. Д. Воскресенский

Проблемы же сегодняшние. С Ганди — сегодняшние же.

А. Г. Вишневский

И в Индии, и в Китае рождаемость сокращается, но — по-разному.

А. Д. Воскресенский

Потому что там авторитарное государство, а здесь другая система.

А. Г. Вишневский

Да. Но имеет ли этот китайский авторитаризм опять же опору в традиции или нет? Мы ведь говорим о какой-то традиционной линии, я так понимаю, мы пытаемся её здесь осмыслить. И если я правильно понял (может быть, и нет) то, что вы говорили,

⁹«Боксёрское (или ихэтуаньское) восстание» в Китае (1900) — массовое движение в Китае против иностранцев (европейцев, американцев, а также японцев). Причины восстания — в экономико-политическом противостоянии Китая и великих держав того времени. Название дано европейцами по его эмблеме — сжатому кулаку.

то мне кажется, что стремление к такой каталогизации, сведению к конечному числу стратагем и т.д., — это далеко не всегда ведёт к добру. Возможно даже, что знакомая нам более гибкая ситуация, когда строгость правил компенсируется необязательностью их соблюдения, может вести к более надёжным результатам. Хотя, наверно, не всегда.

Я был бы не против извлечь какую-то мудрость из этих стратагем. Но прочесть такую фундаментальную книгу, боюсь, буду не в состоянии.

А. Н. Привалов

Есть более короткие варианты.

А. Г. Вишневский

Ну, может быть.

А. Н. Привалов

Прошу Вас, Юрий Дмитриевич.

Ю. Д. Нечипоренко, писатель, биофизик

У меня две короткие реплики. Во-первых, по поводу «искусства жить». На мой взгляд, как биофизика, искусству жить надо учиться у клетки.

Я сейчас пишу книгу «Жизнь клетки». Вы знаете, там сложнейшая система, которая сложнее государственного устройства. Приведу один пример. Если какая-то клетка выходит из-под контроля, то специальные клетки ставят на неё чёрную метку, и эта клетка должна самоуничтожиться, то есть внутри неё существует ЧК, которая должна сработать в момент икс.

Мне это напоминает восточную историю с харакири, с кодексом воина и пр. Если клетка выходит из-под контроля и не исполняет приказаний свыше, нарушает некий «кодекс чести», то она становится раковой, опасной для всего организма — и в этом смысл её самоуничтожения.

И второе — по поводу плана, о чём сегодня говорили. План — это главное, что есть в клетке. В хромосомах, в геноме, как библиотеке, содержится план строения клетки, он разворачивается, и клетка в соответствии с этим планом реализуется.

Но что такое импровизация в этом случае? Вот иммунная система — она постоянно импровизирует, постоянно перебирает разных возможных врагов, чтобы быть готовой, так сказать, к атаке любого противника, то есть такая система импровизации тоже есть в организме.

Мне кажется, сейчас молекулярная биология созрела настолько, что накопленное знание вполне можно применять, в частности, и в общественном строительстве. И именно поэтому, на мой взгляд, в данной ситуации нам могут помочь биофизические, биологические модели.

Ю. Д. Нечипоренко

А. Н. Привалов

Спасибо. Господин Матвейчев, прошу Вас.

О. А. Матвейчев, *профессор кафедры практической философии НИУ ВШЭ*

Неоднократно бывал в Китае, вот даже недавно делал доклад у них в Общественной академии наук. Конечно, очень интересная страна, которую рекомендую всем посещать чаще и чаще, особенно для того, чтобы избавляться от мифов и сталкиваться с другими мифами — европоцентричными, которые у нас господствуют, к сожалению. И вот даже сейчас у некоторых выступающих это прозвучало.

Да, стоит согласиться со всеми, кто говорил, что для китайцев убийство или героизм — это совершенно не доблесть, это никак не приветствуется в их этике. И, конечно, когда мы говорим о том, что у нас тоже есть Одиссей, нужно помнить, что все-таки Гомер писал очень много про Гектора, Патрокла, Ахиллеса, Поламеда, Аякса и всех на свете. А Одиссей, по сути дела, там сработал уже в безвыходном положении, в конце войны, и он является таким исключением из правила — скорее, своей хитроумностью, нежели какой-то специфической тактикой.

А если взять Сунь-цзы, его трактат о войне, то он начинается с фразы: война — путь обмана. Это центральное положение вообще, как говорится, их воинского искусства. Что говорит Сунь-цзы? Он говорит, что лучший полководец — это тот, кто не участвует в сражениях, тот, кто выиграл все сражения до сражений, то есть, собственно, обманул или внушил страх, или ещё что-то сделал.

Вот есть русская, правда, не китайская поговорка, но она применима к китайцам, конечно, на 100%: «Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт». Китайцы никогда не будут идти в гору, никогда не будут совершать никакого героизма, если только под давлением каких-то специфических обстоятельств. Всё это было сформировано ещё тогда, в китайской античности, в даосизме — здесь прямая связь стратагем с даосизмом, конечно, просматривается. И, конечно, нужно сказать, что это имело прямое последствие как раз для роста их империи.

Нужно избавляться от европоцентричного взгляда на мир, который думает, что вся история кружилась вокруг наших Средних веков — Византия, Римская империя и т.д. До XII века вся история происходила на Востоке, в том числе и в Китае, и Китай был могущественнейшим государством мира, гораздо круче, скажем так, и богаче, и политически сильнее, чем вся современная ему Европа, вместе взятая. В музее Шанхая вы можете увидеть модель их корабля, который плавал в Индию и т.д. А рядом с ним — модель каравеллы Колумба, пропорции соблюдены один к одному. Каравелла Колумба составляет какую-то десятую–двадцатую часть китайского корабля, то есть китайцы строили огромные корабли. Они создали — не будем сейчас перечислять подробно — порох, фарфор, бумагу и многое другое. Все их изобретения пришли потом в Европу.

Но они эти изобретения якобы ещё плохо использовали — для фейерверков использовали порох. Это не так. Они делали ракетную технику, причём там была очень сложная авионика. Они делали операции на сердце. А если говорить про их гуманитарные технологии, то китайская республика учёных — в значительной степени это вообще образец для подражания. Каждый чиновник — считалось хорошим делом — должен был читать стихи, уметь сочинять стихи. Они сдавали экзамен по литературе. Система отбора, вертикальная мобильность. Это было образованнейшее общество, которое управляло всем. Величайшая империя, которая, в общем-то, действительно развивалась. И эта империя развивалась бы и дальше, если бы Европа с её открытиями, нашествиями не остановила это развитие.

Но китайцы правильно стратегически мыслят, они и сейчас считают, да, последние 500 лет были своего рода исключением. Мы были центром мира, мы останемся этим центром мира. Да, есть небольшой исторический курьёз, но что такое для китайца 500 лет? Мы вот тут как бы несколько снизили темпы, ушли с исторической арены, но мы на неё возвращаемся и возвращаемся опять на тысячелетия — вот как они рассуждают. Естественно, конечно, огромен культ порядков, культ детей, культ семьи, вообще культ прошлого.

О. А. Матвейчев

Культурная революция, о которой нам говорят,— это очень противоречивое явление в китайской истории, может быть, не совсем характерное. То есть это когда отец приказывает убить отцов — такой двойной вызов. Потому что, с одной стороны, на основе отцовской истории ты как бы следуешь завету отца, но убиваешь отцов — вроде как тебе он говорит что-то другое. Здесь некая парадоксальность, и это для них нехарактерно. Но без вот этого приказа отца ничего бы не произошло. Поэтому они очень ориентированы на традицию, конечно.

И, кстати говоря, в Китае сохранилось очень много памятников, по крайней мере, из современной истории. В том числе практически во многих китайских городах стоят, например, памятники Сталину, а в Харбине так целая гигантская набережная Сталина, там есть сад, и они его очень чтят. И чтят, помнят, что русские основали Харбин. Русские уже не помнят, не знают, что, вообще-то говоря, это крупнейший город Азии, и сейчас он больше Санкт-Петербурга. Мы этого не помним, а они всё помнят, рассказывают, реставрируют наши церкви.

Это серьёзные люди. И то, что сейчас у них происходит в экономике,— они, конечно, очень сильно опираются на традицию. Если хотите услышать за пять

минут их секрет, в YouTube есть хорошее выступление: Эрик Ли, «Сказка о двух системах» называется. Буквально десятиминутный ролик — короткая лекция молодого китайского человека, который говорит: «Сначала я жил в коммунистической системе, потом я пожил в капиталистической системе, и обе из них оказались сказкой, обе из них — полная ерунда. А вот наша традиционная китайская система, которая работает сейчас, она и дала тот успех Китаю, который мы сейчас видим». Он говорит: «Мы бы Обаму не взяли даже деревней руководить, он не прошёл бы у нас тесты».

Так вот, возвращаясь к стратагемам. Я лично с ними встретился в конце 1980-х годов, тогда, по-моему, вышла первая книга фон Зенгера, и я применял их на выборах как политический консультант. Я должен отметить, что в этих стратагемах очень важна рефлексивность, то есть всегда рефлексится положение другого и учитывается его действие. Самое важное — это выбрать стратагему, которую ты собираешься применять, а её ты можешь выбрать исходя из того, в каком положении находится твой контрагент, соперник. Ты должен идентифицировать, по какой линии он идёт, в какой ситуации он находится — в первой, во второй, в пятой, в десятой или в тридцать шестой. И если он следует примерно таким образом — тебе просто дан рецепт, как с ним поступить в зависимости от его ситуации. Это очень хорошо работает. Я неоднократно применял это во время выборных кампаний на российской почве, не на китайской. И это всегда было очень успешно.

В. П. Мазурик

Можно короткую реплику?

А. Н. Привалов

Ну очень короткую.

В. П. Мазурик

Вы знаете, вот Вы говорили о европоцентричном взгляде. Но, между прочим, в Вашем выступлении тоже немножечко такой взгляд на «прекрасное далёко» Китая. Это когда говорят, что китайская стратегия — это обезьяна, которая сидит на горе и смотрит на борьбу тигра со львом, или, скажем, сидеть на берегу и ждать, пока труп врага поплывёт по реке. У Вэй — недеяние — это не есть пассивность, созерцательность и т.д. Это есть недеяние вне дао, поэтому говорить, что китайцы — пацифисты все как один — это очень-очень идеализированный взгляд

А. Н. Привалов

Известно же, что если очень долго сидеть у реки и ждать, то когда-нибудь твой труп увидит, как труп врага по ней проплывёт. Это правда, но это никого особенно не вдохновляет. Господин Голубев, прошу Вас.

А. В. Голубев, *руководитель отдела по изучению отечественной культуры, Института российской истории*

Я, собственно, не собирался сегодня выступать, но вот последнее выступление меня буквально вдохновило. Мы говорим о вреде европоцентризма, мы в этом правы. Но я искренне не понимаю, чем лучше синоцентризм.

Во-первых, как доказывают археологи, начало китайской цивилизации в долине Янцзы связано с тем, что туда докатилась последняя волна индоевропейцев — из Ирана через Индию и дошли до Китая. Раз.

Второе. Китайцы со своими стратагемами добились того, что все, кто хотел завоевать огромный Китай, в этом преуспевали — и Чингисхан, и маньчжуры, и европейцы в эпоху опиумных войн, и т.д., и т.п. Ну, как-то вот эта стратегия работала, только когда китайцы воевали с китайцами. Те же японцы их били в XX веке.

Далее. Можно сколько угодно сравнивать размеры каравеллы Колумба и китайских кораблей. Но Америку открыл Колумб, а китайцы, которые одно время действительно — это исторический факт — доходили до Индии, вдруг потом перестали плавать в Индию и закуклились на своей территории.

И последнее — насчёт Харбина. Вы знаете, так получилось, что в Харбине-то я был. И вот это русское присутствие, о котором Вы говорили, — это некая экзотика: одна улица и пара церквей, и там ещё паровоз стоит русский, и т.д.

О. А. Матвейчев

Ну, набережная Сталина.

А. В. Голубев

Я, честно, не знаю, как она называлась. Я был на этой набережной — может быть, она и Сталина, не знаю. Но русское присутствие там уже не чувствуется. А то, что Харбин больше Санкт-Петербурга — так я-то был в китайском райцентре, и когда меня туда приглашали, передо мной очень долго извинялись и говорили, что это очень маленький город, который никто не знает (и действительно его никто не знает, я билет-то с трудом купил в Москве) — там всего-то-навсего 7 миллионов человек. И крупный университет тоже.

Это даже не центр провинции, повторяю, это крохотный, какой-то захолустный городишка с захолустным университетом, где «всего» 100 тысяч студентов и преподавателей. Понимаете, поэтому сравнивать размеры городов — это тоже достаточно бессмысленно.

Побывав в Китае, я был изумлён размахом, с которым они модернизируются, и как далеко они прошли за те 20 или 30 лет, которые мы с вами, к сожалению, исторически потеряли.

А. В. Голубев

А. Н. Привалов

Спасибо. Прошу, г-н Сиднев.

В. В. Сиднев, член бюро Экспертного совета АСИ (Агентства стратегических инициатив), директор Троицкого nano-центра

Ну, а у меня вопрос к нашему председателю, который первой же стратагемой поставил меня в тупик, я вот с тех пор сижу и думаю. Вот тот, который всех нас загнал на крышу и убрал лестницу, он-таки с нами на крыше или нет?

А. Н. Привалов

Возможна масса вариантов. Это стратагема № 28, в книге она занимает страниц сорок. Изучите, изучите!

Все выступления? Я позволю себе предоставить слово нашему начальному докладчику, Алексею Дмитриевичу, для реплик по истечении обсуждения.

А. Д. Воскресенский

Спасибо большое. Ну, я ещё в более сложном положении, чем когда начинал говорить.

А. Н. Привалов

Так и бывает.

А. Д. Воскресенский

Я, на самом деле, намеренно в своём вступительном слове пытался уйти от современных интерпретаций. Я очень хорошо понимал, что все следующее время после моего вступительного доклада мы будем заниматься только тем, что применять стратегию и интерпретировать разного рода проявления сегодняшней жизни. А жизнь, конечно, как всегда, богаче и сложнее.

Я не зря несколько раз подчеркнул — в этом нет ничего обидного, я, по-моему, достаточно определённо это сказал и сам: многое из сказанного сегодня остаётся на уровне поверхностного понимания, из чего, в частности, на основе стратегий, можно сделать какие-то очень глубокие выводы.

Возьмём, к примеру, книгу о путешествиях знаменитого флотоводца Чжэн Хэ¹⁰ «1401 год, когда Китай открыл мир». Автор — Гевин Мензис, командир британской подводной лодки, который выйдя на пенсию, стал писать книги; он считает, что Чжэн Хэ доплыл до Антарктиды. Это, кстати, не подтверждено историческими фактами. Но до Африки он доплыл. При этом мало кто знает, что на самом деле Чжэн Хэ был не китаец, это был монгольский мальчик из уничтоженной китайцами деревни, которого китайцы захватили, кастрировали и превратили в внуха. Он вырос. Служил в императорском гареме, а потом так вот совершенно неожиданно реализовался и вошёл в историю в качестве китайского флотоводца. Это к вопросу о том, как бывает в реальной жизни.

Мы говорили о том, что стратегии могут помочь, а могут и не помочь. Стратегия № 7 — «Из недр небытия возникает бытие», «Извлечь нечто из ничего» — «Учжун шэн ю». Приведу пример. Эту стратегию по-разному интерпретируют, в частности (к вопросу об интуиции и правилах): можно выиграть, ничего не используя, а можно самую маленькую песчинку раздуть до чего-то огромного, что будет казаться совершенно потрясающим.

А вот в 1974 году, когда Дэн Сяопин был отправлен в очередную, кажется вторую, ссылку, китайская газета «Жэньминь жибао» объяснила, за что его отправили в ссылку, с помощью стратегии № 7 — «Извлечь нечто из ничего». Я процитирую, тут не нужно ничего объяснять, цитата совершенно великолепна: *«Неисправимый последователь капиталистического пути во всю глотку выступал за то, чтобы босоногие врачи „носили соломенные сандалии“, „носили матерчатые тапочки“». Это означает ни что иное, как то, что они должны идти по ревизионистской дороге в капиталистических*

¹⁰ Чжэн Хэ (1371–1435) — китайский путешественник, флотоводец и дипломат, возглавлявший семь крупномасштабных морских военно-торговых экспедиций, посланных императором Минской династии в страны Индокитая, Индостана, Аравийского полуострова и Восточной Африки.

башмаках». Это к вопросу о том, как можно при желании интерпретировать любую стратегию с точки зрения каких-то современных представлений.

Но если мы серьёзно посмотрим на сегодняшнюю науку о стратегии, то там выделяется первый уровень — пользовательский, когда нужно уметь увидеть какую-то практическую задачу, выделить какую-то ключевую задачу, спокойно и быстро решить эту ключевую задачу. Собственно, смысл этого уровня — не избегать проблем, искать эти проблемы, использовать их как ресурс, идентифицировать препятствия и двигаться в какую-то лучшую сторону.

Есть следующий уровень — профессиональный: нужно видеть всю картину боя, прогнозировать стратегические шаги конкурентов, программировать их действия, предусматривать лучшие варианты из того, что могут тебе противопоставить конкуренты, то есть владеть ситуацией в такой степени, чтобы минимизировать свои усилия для достижения победы. Почему война плоха? Потому что даже если ты выиграешь войну, ты всё равно проиграешь: у тебя погибнут люди, ты будешь в плохой экономической ситуации. Можно по-разному, кстати, это интерпретировать с точки зрения концепции *У-вэй* [недеяние]. Можно так, как сегодня уже говорили: сидеть и ждать. А можно и по-другому: хорошо то управление, где не надо управлять, потому что всё соответствует гармонии и управляется на основе правил самой жизни.

Есть и третий уровень стратегии — уровень разработчика, когда нужно понимать и расшифровывать скрытые возможности каждой стратегии, использовать стратегии в разных областях. И задача здесь — выявление закономерностей и разработка новых стратегий. С другой стороны, мы знаем, что в современной науке есть такое понятие как открытая теория. И вышесказанное о третьем уровне вполне соответствует методологическому принципу открытой теории.

Был ещё интересный вопрос — чем отличаются китайцы от других наций? Есть разные объяснения. Артём Игоревич [Кобзев] разрабатывает теорию о полушариях мозга и т.д. Кстати, 36 стратегий действительно состоят из четырёх иероглифов. Кроме последних — с 31-й по 36-ю, которые состоят из трёх иероглифов. Это стратегии проигранных сражений. Почему стратегии проигранных сражений состоят каждая из трёх иероглифов — это интересный вопрос. Он ещё ждёт своего ответа.

Сакральный смысл числа «36» толкуется по-разному: я объяснял, как я понимаю, Владимир Степанович [Мясников] дал своё объяснение. Я думаю, что однозначно мы объяснить всё равно не сможем, потому что мы просто не можем поговорить с китайцами, которые тогда, в IV веке до нашей эры, запечатлели это в своих трактатах.

Ну, может быть, когда-нибудь и узнаем! Наука развивается, иногда и такого рода открытия происходят. Возможно, что в стратегиях зашифрована картина мира. Я помню, как мы с Вами [А. Кобзеву] тридцать два года назад сидели в Институте востоковедения на семинаре Артема Михайловича Карапетьянца, который рассказывал, что в гексаграммах И-цзина зашифрована ДНК. Можно и такую информацию извлечь из И-цзина.

А. И. Кобзев

...И что он нам пересказывал взгляды, разделяемые некоторыми специалистами по молекулярной генетике и лауреатами Нобелевской премии.

А. Д. Воскресенский

Возможно. Я сейчас хочу сказать о другом. Я всё время задаю себе вопрос: действительно ли китайцы, которые смотрят сейчас на эти зашифрованные когда-то, как мы считаем, тексты, видят цвет и ощущают запах? У меня есть сомнения, что это так. Я согласен с тем, что это упакованный и зашифрованный текст. Но насколько он воспринимается современными китайцами так, как воспринимали создававшие его люди тогда, в то время? Я не знаю ответа на этот вопрос, и у меня есть сомнения в правомерности такого рода интерпретаций с точки зрения сегодняшнего дня — в их практической ценности с точки зрения сегодняшнего дня.

Безусловно, китайцы всегда в большей степени стереотипировали ситуации, чем другие народы, с этим я соглашусь. Скажем, кроме стратагем, у китайцев есть дипломатические стереотипы. Есть такого же рода формулы, они, кстати, в тридцати шести стратагемах не записаны. Самая известная из них — «управлять варварами руками варваров».

Есть целый пласт китайской научной литературы на эту тему, которая практически не переведена на русский язык, да и на другие языки, то есть малоизвестна. Это можно воспринимать как наличие стратагем в другой области, не военной, а можно рассматривать как дополнительное знание. Даёт ли оно преимущество дипломатам в сравнении со стратагемами — тоже вопрос открытый. Но все китайцы знают свою историю, то есть они знают, когда применялись эти стратагемы, кто из императоров, полководцев применял эти стратагемы. Да, это тренирует ум. Как говорил один мой приятель, ныне известный профессор, с которым мы когда-то одновременно писали диссертации на соискание степени доктора философии в Великобритании: считаешь много умных книг — сам немножечко станешь умнее.

Кроме стратагем есть ещё так называемые исторические матрицы, когда весь исторический процесс интерпретируется с точки зрения соответствия определённым историческим стереотипизированным схемам, отражённым в определённых исторических понятиях. И здесь скрыт очень интересный факт: на протяжении последних ста лет в разные исторические эпохи китайские политики в традиционные понятия вкладывали разный смысл, в соответствии с их пониманием современных задач. Это делал Чан Кайши, это делал Мао Цзэдун, это делал Дэн Сяопин, это делают сегодняшние китайские руководители.

Есть ещё один пример такого стереотипного китайского мышления — это «шошуды», китайские традиционные сказители, которые без декораций, без текста сидели и излагали наизусть неграмотному народу тексты памятников китайской литературы. Все эти многотомные китайские классические романы — «Троецарствие» или

«Речные заводы», в которых каждая глава прописана по определённому сценарию, в соответствии с определённой матрицей.

В каждой главе есть стих в начале, стих в конце, зачин, по определённым, строго прописанным правилам развивается завязка, по определённым правилам развивается кульминация. Что это давало? А вот что: даже не в театре, а просто на земле сидели неграмотные люди, и они знали эти тексты на слух, наизусть. Им не нужны были декорации, да их и не могло быть в средневековье в бедной стране. Шошуды ходили из деревни в деревню, и люди воспринимали посредством образов то, что они рассказывали.

Возможно, и стратагемы в представлении китайцев воссоздают эти исторические образы, которые как бы применяются к сегодняшней ситуации. Но ведь есть, скажем, и такие современные теории — например, знаменитая «культурная теория» Томпсона и Вилдавски, основанная на типах взаимодействия индивидуума и группы: индивидуумы в группе типизированы в соответствии с определённым порядком и на основе особой культуры, свойственной только этому типу людей. Типы культуры могут быть распределены при помощи определённой матрицы, то есть определённым образом классифицированы и ранжированы. Это, конечно, современная структурная культурологическая теория, но она, в общем, основана на тех же принципах, на которых основаны и принципы китайского стратагемного мышления.

Читали ли Томпсон и Вилдавски китайские памятники? Может быть, и читали, а может, и нет. Но и их теория, и принципы стратагемности основаны на общих правилах структурной логики и структурного мышления, хотя и допускают разное толкование. Есть, кстати, в отечественной науке книга А. Крушинского о специфике китайской логики.

А вот что у китайцев точно было отлично от других — это детально разработанная наука управления социумом, знание которой не терялось, оно передавалось непрерывно из поколения в поколение. Хотя и были, конечно, сложные периоды правления иноземных династий, которые пытались искоренить эту китайскую традицию. Но мы знаем, кто помогал кочевникам захватывать другие государства. Те же китайцы. Наиболее ярко в нашей исторической литературе это, кстати, описано у Владимира Чивилихина в книге «Память».

А современные китайцы говорят: «Вы знаете, у нас члены политбюро каждую неделю собирают учёных по определённым проблемам, брифинги устраивают по три-четыре часа». Такая традиция в современном Китае существует. Основана ли она только на прошлом, на истории, или она основана на здравом смысле? Вопрос риторический, но результат этой практики — именно тот результат, который мы сегодня так горячо обсуждали. Ну, а вообще, на эту тему можно говорить практически бесконечно.

А. Н. Привалов

Спасибо, Алексей Дмитриевич. Если позволите, буквально несколько фраз в завершение нашего сегодняшнего заседания.

Я, когда думал о том, как оно пройдёт, меньше всего предполагал, что оно выльется в обсуждение о том, если кит на слона взлезет, кто кого соборет. Ну, наверное, это тоже интересно. Одно скажу, что, собственно, я в этой схватке, разумеется, на стороне европоцентристов по очевидной причине: мне представляется, что европоцентризм, что синоцентризм — в общем, слова не очень актуальные сейчас, поскольку пока центр, как мы знаем, немножко в другой стороне. Ну, хотя он тоже европейский, будем честны.

Мы все читали новеллу Стефана Цвейга, которая «Шахматная новелла», и знаем, что выдающийся шахматист может быть дураком. Я никогда в жизни не слышал, чтобы чемпион го был дураком. Может быть, тоже бывает, нам просто не рассказывают. Но, по-видимому, есть какая-то в этом тонкость, которая действительно различает эти две в каком-то смысле равно восточные игры.

А что касается планов, не могу удержаться, как всегда, и не процитировать обожаемого мною Лескова. У него, если помните, «Железная воля» начинается с того, как один солидный человек объясняет, почему наши всегда немцев бьют: «Какая беда, что они умно рассчитывают, а мы им такую глупость подведём, что они и рта разинуть не успеют, чтобы понять её».

Так что план — это очень хорошо, это на самом деле очень хорошо. И наличие плана, простирающегося дальше твоего срока занятия высокого места — это, в общем, невероятный плюс для правителя. Я не вижу, о чём тут спорить. Но, по-видимому, это тоже не совсем панацея. Лучше иметь, чем не иметь, но само по себе, наверное, не очень работает.

Ну, а что самое, по-моему, существенное, что различает нас и нацию, породившую эту книгу, — это то, о чём буквально в последнюю минуту сказал Алексей Дмитриевич, — это память. Это первое, что мне приходило в голову, когда я читал эту книгу.

Вот именно то, что все эти бесчисленные мелкие, средние, крупные войны, бесчисленные жертвы, что эта бесчисленная память достижений и предательства не пропала, она осталась и сгустилась. Этому мы можем, к сожалению, только завидовать. Ну, давайте хоть завидовать.

А теперь — заседание закончилось, год заканчивается. С наступающим вас Новым Годом!

УДК 14
ББК 87

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 71
«Искусство жить и выживать — игра по правилам»

Редактор выпуска Н. М. Румянцева
Фото — Московская Биржа

Вёрстка М. Ю. Иванюшин
Подписано в печать 02.03.2015.
Заказ 16238. Тираж 400.

© Московская Биржа, 2015
© Никитский клуб, 2015